

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

2016 № 4

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4

Научный журнал

Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ С.А. Семенов, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципально- го управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН	ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА В.А. Федоров, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН	ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ Е.В. Лылова, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН
--	--	--

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики»

Вергински И. – профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, Ванкувер (Канада)

Вольманн Х. – PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия)

Ворончук Инесса – доктор экономических наук, профессор, глава Департамента публичного администрирования Факультета экономики и менеджмента Латвийского университета (Латвия)

Корнилов М.Я. – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Кочегура А.П. – доктор философии (PhD), член Европейской ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), эксперт Европейской комиссии и Всемирного банка, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Марголин А.М. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Прокофьев С.Е. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель руководителя Федерального казначейства Российской Федерации

Сорокин Д.Е. – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой макроэкономики и макроэкономического регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, первый заместитель директора Института экономики РАН

Столяров Н.С. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Хоппе Р. – PhD, профессор политики и знаний Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления (Нидерланды)

Цвык В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этики, декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Шедлер К. – профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена (Швейцария)

Шульц Д. – профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин (США), главный редактор журнала Public Affairs Education (JPAE)

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2312-8312 (print), ISSN 2411-1228 (online)

4 выпуска в год

Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов», серия «Государственное и муниципальное управление» – специализированное научное издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основными рубриками журнала являются: «Государственное управление: теория и практика», «Зарубежный опыт управления», «Становление и развитие местного самоуправления в России», «Культура управленческой деятельности», «Антология государственного управления» и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов и практиков, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.university

Редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Государственное и муниципальное управление»:

ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.university

Подписано в печать 20.12.2016. Выход в свет 27.12.2016. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1481. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2016

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2016 NUMBER 4

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

S.A. Semenov,

PhD, Associate Professor, Head of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Fedorov,

D.Sc (Philosophy), Professor, Professor of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

EXECUTIVE SECRETARY

E.V. Lylova,

PhD, Senior Lecturer of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Barabashev A.G. – D.Sc (Economics), Professor, Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics

Vertinsky I. – Professor, Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver (Canada)

Wollmann H. – PhD, Professor of Public Administration and Public Policy of the Berlin Humboldt University (Germany)

Voronchuk I. – D.Sc (Economics), Professor, Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University (Latvia)

Kornilov M.Ya. – D.Sc (Economics), Professor of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences

Kotchegura A.P. – PhD, a member of the European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Expert of the European Commission and the World Bank, Senior Lecturer of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Margolin A.M. – D.Sc (Economics), Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Prokofiev S.E. – D.Sc (Economics), Professor, Head of State Public Administration Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Deputy Head of the Federal Treasury of the Russian Federation

Sorokin D.E. – D.Sc (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Macroeconomics and Macroeconomic Regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Economics

Stolyarov N.S. – D.Sc (Economics), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Professor of Public Administration Department of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Hoppe R. – PhD, Professor of Politics and Knowledge of the School of Management and Governance, Department of Science, Technology and Police Studies of University of Twente (Netherlands)

Tsvyk V.A. – D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Ethics Department, Dean of Faculty of Humanities and Social Sciences Peoples' Friendship University of Russia

Schedler K. – Professor, Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen (Switzerland)

Schultz D. – Professor of Political Science, University of Hamlin (USA), Editor in Chief of Public Affairs Education (JPAAE)

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8312 (print), ISSN 2411-1228 (online)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aim and Scope

The scientific journal «RUDN Journal of Public Administration» is the special scientific publication, founded in late 2013.

The journal mission is the assistance of the public administration development on theoretical and practice field as well as to create a platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives in the public administration field.

The journal gives an ability to discuss main ideas and problems of public administration, analysis of current issues of public administration, the theoretical comprehension of the trends and prospects of local government development, synthesis of international practice and experience of public administration and management, highlighting modern trends of higher professional education development on the public administration field, etc.

The main journal headings are following: «Theory and Practice of Public Administration», «Foreign Experience of Management», «Formation and development of local government», «Culture of management», «Anthology of Public Administration» and etc.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is for scientists and researchers, officials in the sphere of public administration, and for a wide range of readers who are interested in problems and perspectives of public administration.

The journal editorial board includes leading scientists and experts of international and national level on the public administration field.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.university

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:

Miklukho-Maklaya St., 10-2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

- Алексеева Е.С.** О наступательной стратегии России в условиях современной информационной войны 7
- Плащинский А.А.** Социально-политические аспекты парадигмы нового мирового порядка: концептуальный анализ 25

УПРАВЛЕНИЕ РЕФОРМИРОВАНИЕМ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

- Ефимова И.Н., Маковейчук А.В.** Рейтинг и бренд вуза как инструменты реализации политики менеджмента качества системы высшего образования 40
- Игнацкая М.А.** Проблемы оптимизации развития российской системы дополнительного профессионального образования в сфере управления (public & business administration) 57

СЛОВО СТУДЕНТАМ, АСПИРАНТАМ И МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Коппель Е.Э., Быкова Г.И.** Как влияет безработица на участие в выборах? (на примере выборов в местные органы самоуправления в г. Дортмунд в 2014 г.) 77
- Рыдина А.С.** Исследование комплекса основных ценностных ориентаций современной России 82

АНТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Эрхард Л.** Министр хозяйства, но не представитель отдельных групп (отрывок из главы VI книги «Благосостояние для всех») 95

- НАШИ АВТОРЫ** 102

CONTENTS

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

- Alexeyeva E.S.** Russian offensive strategy in the conditions of the modern information warfare 7
- Plashchinsky A.A.** Social and political aspects of new world order paradigm: conceptual analysis 25

MANAGEMENT OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

- Efimova I.N., Makoveychuk A.V.** University rankings and brand as tools of policy implementation of quality management system of higher education 40
- Ignatskaya M.A.** Adult continuing managerial (PA & BA) education sector's development in Russia and abroad – problems of optimization 57

ARTICLES OF STUDENTS, POSTGRADUATE AND YOUNG SCIENTISTS

- Koppel E.E., Bykova G.I.** Inwiefern wirkt sich arbeitslosigkeit in bezug auf die partizipation am beispiel der kommunalwahlen am 25.05.2014 in Dortmund aus? 77
- Rydina A.S.** Research of the complex of basic value orientations of modern Russia 82

ANTHOLOGY OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Erhard L.** The Minister of the economy, but not representative of certain groups (excerpt from Chapter VI of the book «Well-being for all») 95

- OUR AUTHORS** 102

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-7-24

О НАСТУПАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Е.С. Алексеева

Аппарат Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
Москва, Россия

Несмотря на достаточно объемное научное знание об информационных войнах и методах их ведения, общего понимания информационной войны по-прежнему нет. И это обстоятельство делает весьма затруднительным противодействие этой угрозе. По мнению автора, следователям проблемы необходимо объединить усилия и выработать единое согласованное определение данного явления для того, чтобы можно было впоследствии прописать его в законодательстве и выработать правила игры в информационном пространстве. После того, как экспертное сообщество придет к консенсусу по поводу определения понятия информационной войны, по мнению автора, России необходимо инициировать на международном уровне дискуссию по этому вопросу, а затем содействовать появлению понятия информационной войны в международном праве. Как только это понятие будет там прописано, страны договорятся о правилах игры в информационном поле. Содействие закреплению в международном праве четко очерченных юридических определений и норм поведения в информационном пространстве – один из принципов асимметричного ответа на внешнее воздействие более сильных субъектов информационного противоборства. Однако ассиметричный ответ – не единственное, что можно было бы противопоставить существующим информационным угрозам. Автор, разобравшись в сути информационной войны, изучив ее приемы и показав, как они работают на конкретных примерах, дает ряд конкретных предложений по совершенствованию политики России в условиях современной информационной войны, справедливо ставит вопрос о необходимости перехода от оборонительной стратегии к наступательной.

Ключевые слова: информационная война, информационная агрессия, информационный конфликт, пропаганда, манипуляция сознанием, дезинформация, дискредитация

Информационные войны представляют собой одну из наиболее острых проблем современности. Они стали великолепным подспорьем для тех, кто считает себя вправе менять неугодные политические режимы и перекраивать политическую карту мира на свой лад. Мы помним, как массированно обрабатывалось мировое общественное мнение при свержении американцами и НАТО режимов С. Милошевича, С. Хусейна, М. Каддафи. Сегодня то же

самое происходит вокруг раздираемых на части Сирии и Украины. Активно создаются предпосылки для разрушения российской политической системы. Мы являемся свидетелями беспрецедентных информационных атак, давления и шантажа в отношении нашей страны, нынешнего политического режима и лично Президента России. Цель – расшатать ситуацию в России изнутри. Добавьте к этому тяжелейшую экономическую ситуацию в условиях санкций и так и не заработавших мер по диверсификации экономики, о которых мы слышим от представителей политической элиты уже на протяжении двадцати лет, – и получается, что хорошо отработанные сценарии дестабилизации могут начать действовать и у нас.

Что же этому можно противопоставить? Как прорвать информационную блокаду, укрепить имидж и сохранить свой суверенитет и территориальную целостность? Убеждена, что нам сегодня как никогда нужны эффективные меры противодействия. Только лишь оборонительными мерами в ответ на действия хорошо экипированных и обученных частей не обойтись. Пора переходить в наступление. Ниже – о наступательной стратегии России в условиях современной информационной войны.

Во-первых, как представляется, необходимо четкое определение того, что есть информационная война. Мнения экспертов на этот счет самые разные. Поскольку проблематике информационных войн в последние два десятилетия уделяется большое внимание, то практически у каждого автора можно встретить свое собственное определение информационной войны. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с монографиями Н.А. Брусницына, Л.А. Шелепина, А.В. Манойло, Д.Б. Фролова, А.С. Панарина, И.Н. Панарина, Г.Г. Почепцова, С.П. Расторгуева¹ и других исследователей проблемы. К тому же отдельно о технологиях манипуляции массовым сознанием написаны работы Е.Л. Доценко, А. Цуладзе, С.А.Зелинского, С.Г. Кара-Мурзы и др.². Нельзя обойти вниманием и труды зарубежных исследователей о влиянии средств массовой коммуникации на общественное мнение – Г. Лассуэла, Б.Г. Лиддл

¹ Брусницын Н.А. Информационная война и безопасность. М., 2001; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Антироссия. Крупнейшие операции Запада XX века. М., 2011; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 2001; Манойло А.В., Фролов Д.Б. Информационно-психологическая война в системе политических решений информационного общества. М., 2003; Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005; Панарин И.Н. Информационная война за будущее России. М., 2008; Панарин И.Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. М., 2010; Панарин И.Н. Технология информационной войны. М., 2003; Почепцов Г.Г. Информационные войны. М., 2000; Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М. 2000; Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2000.

² Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1996; Цуладзе А. Политические манипуляции, или покорение толпы. М., 1999; Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб., 2008; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2013.

Гарта, П. Лайнбарджера, Г. Лебона, П. Лазарсфельда, Р. Мертона, Тена ван Дейка, С. Московичи¹ и других.

Убеждена, к единому понятию об информационных войнах нужно прийти сначала в экспертной среде, а потом в юридической. Ведь если нет определения и общего понимания этого явления, то и бороться с информационной войной не получится: раз явление не прописано в законе, значит его вообще нет.

Что есть информационная война? Эксперты сходятся во мнении, что информационная война имеет как минимум две ипостаси. С одной стороны, под информационной войной очень часто понимают собственно техническое воздействие на информационные системы противника и средства коммуникации с целью его дезориентации и дезорганизации вооруженных сил. Другая сторона информационной войны – идейно-смысловая, она может быть определена как *совокупность приемов и способов воздействия на массовое сознание с целью его полного подчинения и минимизации военных затрат для достижения собственных геополитических целей*.

Представляется, что во избежание двойного толкования этого явления давно пора разграничить эти два понимания вопроса: собственно техническое воздействие на информационные системы противника называть кибернетическими войнами (кибервойнами), или сетевыми войнами, а информационно-психологическое воздействие – информационными. Тем более что в средствах массовой информации именно так это и закрепилось.

В арсенале идейно-смысловых информационных войн хорошо известный набор методов: *дезинформация, пропаганда, идеологическая диверсия, фальсификация истории, демонизация и дискредитация национальных лидеров, осмеяние* и многие другие. Ничего, казалось бы, нового. Очень многое известно еще со времен Сунь-Цзы.

Так почему же именно сегодня информационные войны представляют такую опасность? Ответ кроется в самой сути информационного общества, в том прорыве, который сделало человечество в области информационно-коммуникационных технологий, в результате которого мировое информационное пространство стало всеземным. К тому же и почва благодатная. Современный человек представляет собой новый тип человека, так называемого массового человека – упрощенное, усредненное существо, которое живет стереотипами, не задается вопросами, подвержено манипулированию. Массовый

¹ Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М., 1929; Лиддл Гарт Б. Стратегия непрямых действий М., 2012; Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 2013; Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2000; Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Хрестоматия к курсу «Социология массовых коммуникаций» М., 2004; Ван Дейк Тен А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013; Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

человек – это потребитель, в том числе информации, причем по большей части в виде демотиваторов и прочих картинок в соцсетях. Он практически не читает. Он «лайкает» и делится увиденным с «друзьями». Сознание у него «клиповое», «фрагментарное» – там что-то услышал, здесь увидел – целостной картинке в голове нет. Он бесконечно зависим от этого нового вида наркотика – социального – и при этом даже не осознает своей болезни. А между тем разработчики информационного оружия не почивают на лаврах, они продолжают совершенствовать средства воздействия на индивида в частности и массовое сознание в целом.

Что в этих условиях необходимо понимать? Сегодня во всем мире разворачивается невероятных масштабов война за умы. И дело не в Сирии, не в Украине и других смысловых узлах. Все это лишь поводы, бикфордовы шнуры, с помощью которых накаляется ситуация. Смысл сегодняшней войны (пока – информационной, экономической, но кто знает, что будет дальше), с одной стороны, в удержании американского господства, с другой – в оспаривании оно, а значит, в попытке пересмотреть сложившуюся в последние два десятилетия систему международных отношений и утвердить, наконец, основы многополярного, а значит – более справедливого мира.

Суть в том, что Россия (и причем неоднократно и во всеуслышание) посмела заявить о своих национальных интересах и выразить несогласие с проводимой Соединенными Штатами политикой глобального доминирования. Нас пока еще не окрестили «империей зла», но мы, как известно, «вторая по величине угроза миру после Эболы». Аналогии в связи с этим напрашиваются буквальные. В 1983 г. СССР сбил южнокорейский самолет (тоже все было похоже на провокацию) – как следствие, объявленная Рейганом травля и международная изоляция. В прошлом году был сбит малайзийский «Боинг» – виновного назначили тут же, самолет еще дымился... Такое впечатление, что изобретать новые интересные, захватывающие воображение сценарии у зарубежных специалистов по манипуляции сознанием масс нет ни времени, ни желания. И так сработает.

Наблюдая за сегодняшними событиями и поведением СМИ в их освещении, приходится, к сожалению, констатировать: наши идеологические противники многочисленнее и сильнее нас. Их ресурсная база, их финансовые вливания в «мягкую силу» не идут ни в какое сравнение с нашими. К тому же мы не пользуемся элементами недобросовестной конкуренции в информационном пространстве, скажем так, опираемся на правила хорошего тона и здравый смысл. А между тем там давно усвоили геббельсовский принцип: чем невероятнее ложь, тем быстрее в нее поверят. И хор их истеричных голосов, как правило, заглушает наше благородное негодование. Необходимо делать выводы. Работать лишь в условиях, будем говорить, «антикризисного менеджмента», только лишь обороняться означает не упреждать, а лишь ликвидировать последствия наносимых информационных ударов.

При этом хотелось бы быть правильно понятой: ложь неприемлема. Разумеется, сила в правде (о чем неоднократно заявляли оба наших авторитетных спикера – Президент и Министр иностранных дел). Но правду надо тоже пропагандировать. Она нуждается в PR-поддержке даже более, чем ложь. Надо не лениться лишней раз проговаривать свою точку зрения, используя при этом все возможные каналы коммуникации. Одного Президента и главы МИДа явно недостаточно. Еще Ромен Роллан в беседе со Сталиным высказывал мысль о том, что советские политики не приводят иностранным друзьям мотивы своих действий, ничего не объясняют, и это является серьезной ошибкой. Сегодня, и это стало заметно, потихоньку мы начали исправляться. Сергей Степашин в разгар бойни на Донбассе выступил с открытым письмом к Дэвиду Камерону, четко, аргументированно, даже местами жестко изложив позицию России, в том числе по вопросу падения малайзийского лайнера. Дмитрий Медведев в течение 2014 и 2015 гг. делал немало заявлений по ситуации на Украине и относительно антироссийских санкций. Это, безусловно, шаги в правильном направлении. Но круг спикеров, тех, кто дает информационный повод, должен быть еще шире. Наши парламентские делегации, некоммерческие организации, различные фонды, авторитетные внешние спикеры и простые россияне, поддерживающие внешнюю политику России, – мы все должны сегодня действовать более активно, каждый на своем фронте. «Солдатом информационной войны», как называет себя Валентин Зорин, может стать каждый.

Наше традиционно слабое место – нормативно-правовая база. В связи новыми угрозами и вызовами стало совершенно очевидно: регулироваться должны не только техническая и правовая возможности пользования информацией, но и морально-этическая и общественно-политическая безопасность. Такой подход содержится, например, в Доктрине информационной безопасности. Однако доктрина – это не подробная инструкция по применению и не «дорожная карта», в которой четко, один за другим прописаны все маневры со сроками исполнения и непосредственными исполнителями. Значит, без сопровождающих ее нормативных актов работать она не будет... Она и не работает. Потому что никакого развития в новых документах не получила, да и ее саму уже давно пора актуализировать. С момента принятия прошло более 15 лет.

Авторы документа еще в 2000 г. (!) говорили о координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности в области обеспечения информационной безопасности. Насколько известно, такого органа нет. Именно поэтому усилия разных специалистов на разных уровнях власти затрачиваются впустую. Одни пишут доктрину, другие – стратегию, третьи – концепцию стратегии кибербезопасности, но эти документы, как правило, плохо согласу-

ются друг с другом, имеют большое количество различий, даже в понятийном аппарате, на сглаживание всех этих шероховатостей порой уходят годы – и, как следствие, документы устаревают и оказываются не способны выстроить систему противостояния тем или иным угрозам. *Координирующий орган нужен*. Если пугает в условиях кризиса перспектива создания дополнительных рабочих мест для и так, в общем-то, раздутого чиновничьего аппарата, пусть это будет Совет Безопасности.

Более того, этот орган должен быть способен превратиться в случае нештатной ситуации в антикризисный центр, в котором уже есть, разработаны и опробованы алгоритмы поведения всех без исключения структур в кризисной ситуации. На этой же мысли – о координирующем органе – настаивает и И. Панарин (один из соавторов Доктрины информационной безопасности), который, проведя контент-анализ информационных выпусков за три дня с 8 по 11 августа 2008 г., выяснил, что г-на Саакашвили показывали на российских телеканалах в полтора раза больше, чем российских Президента и Председателя Правительства. Это во многом объясняет, почему мы проигрывали поначалу ту информационную войну. Панарин задается справедливым вопросом о том, где же в стране государственные чиновники, отвечающие за внутреннюю информационно-идеологическую безопасность, и сам же на него отвечает: их нет. Нет ответственного человека и нет организационно-управленческих структур, которые бы занимались этим. Необходимо все это создавать.

Сказать, что мы ничего не делаем в плане информационного противоборства, конечно, было бы неправильно. Недавно, например, вступили в силу законы «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (об ограничении иностранного капитала в СМИ) и «О национальной платежной системе», важность второго даже не стоит и обсуждать: когда против страны в обход решений Совета Безопасности ООН вводят санкции, угрожают парализовать всю банковскую систему, отключить от системы SWIFT, приходится принимать меры. Также и поддержанное политической элитой предложение ограничить иностранным государствам, международным организациям, иностранным физическим и юридическим лицам и даже гражданам России, имеющим гражданство другой страны, право выступать редакцией СМИ, а также право на участие в уставном капитале учредителей СМИ или редакции СМИ (не более 20%) представляется очень важным и нужным. Правда, настораживает тот факт, что назначен переходный период – до 1 января 2017 г. Зная, как быстро порой раскручивается маховик цветных революций, невольно задаешься вопросом: почему власть, делая шаг вперед, так и норовит при этом сделать два назад?

Особо подчеркну: работа по актуализации и унификации национального законодательства в сфере информационной безопасности должна иметь четко очерченные, оперативные сроки и конкретных исполнителей.

Помимо этого, важно двигаться вперед и стремиться к тому, чтобы на международном уровне законодательно поставить барьер недобросовестному использованию информации, а еще лучше – информационным войнам. Это же очевидно: поскольку информационные войны не подпадают под нормы международного права, этим активно пользуются те, кто их развязывает.

Полагаю, что для начала специалистам внутри страны нужно определить понятие информационной войны и ввести его в законодательство. А после этого, когда собственное законодательство будет унифицировано, нужно озаботиться и проблемой унификации законодательства стран мирового сообщества по всем вопросам использования международных информационных сетей, информационных технологий, информационной безопасности и т.д.

Было бы правильным выработать международную конвенцию о нормах информационного взаимодействия в ситуациях острых международных конфликтов, дающих правовую квалификацию информационной агрессии, а также определяющих систему запретов и ограничений на применение информационного оружия.

Не помешали бы и интернациональные правила поведения в Интернете и управления всемирной сетью. Особо отмечу: известный политик С. Миرونнов говорил об этом еще в 2008 г. (это была сверхактуальная тема вследствие августовских событий в Абхазии и Южной Осетии), а ветеран контрразведки, автор нескольких монографий по информационным войнам Н. Брусницын – в 2001-м. К сожалению, это очевидное свидетельство того, что мы по-прежнему топчемся на месте.

Это надо просто осознать и начать действовать: да, мы ограничены в ресурсах, мы не вкладываем в «мягкую силу» столько же, сколько США, но... *содействие закреплению в международном праве четко очерченных юридических определений и норм поведения в информационном пространстве – один из принципов асимметричного ответа на внешнее воздействие более сильных субъектов информационного противоборства, способствующих достижению стратегического баланса сил в информационном пространстве. Пускай у них преимущества «первого удара» – с нашей стороны будет жесткий асимметричный ответ.*

Есть такая жизненная мудрость: чтобы управлять процессом, нужно его возглавить. С точки зрения автора, именно России, тем более на фоне резонансных дел Сноудена, Ассанжа, Мэннинга, событий вокруг Сирии, иранской ядерной программы и неслыханной (с 90-х гг.) внешнеполитической победы России осенью 2013 г., удачи в миротворческом, медиаторском плане (опять же имею в виду Сирию и Иран), *необходимо инициировать этот процесс – выработки международных правил игры в информационном поле – и возглавить его.*

Что-то подсказывает, что ни у кого уже в мире (кроме заинтересованных в хаосе сторон, конечно) не осталось никаких иллюзий относительно необхо-

димости таких правил для всего информационного сообщества, где все участники являются равноправными партнерами. Здесь же, кстати, можно было бы поднять вопрос о создании национальных и международных центров, занимающихся проблемами защиты конфиденциальной и личной информации, баз данных, выявления и преследования хакеров, рассмотрения жалоб потребителей. Представляется, что поддержка общественного мнения такой инициативе гарантирована. Более того, в нынешних условиях *в интересах Российской Федерации инициировать проведение Всемирного форума по противодействию информационным войнам*. Такая инициатива, без сомнения, положительно скажется на имидже нашей страны и послужит началом к определению международных правил игры в информационном пространстве.

Следующее соображение. Государству нужно принять меры к тому, чтобы *ограничить влияние западных стран на сферу информационных технологий* (а в перспективе и вовсе отказаться от использования технических и программных средств иностранного производства), поскольку недекларированные возможности зарубежного оборудования создают условия для утечки информации и всевозможных сбоев в работе информационных систем. Спасибо санкциям – *сегодня у нас есть уникальный шанс осуществить импортозамещение в сфере ИТ*. Если мы этого не сделаем, мы проиграем. Техническую составляющую информационной войны – кибервойну – нужно всегда иметь в виду.

Но и это еще не все. В результате исследования автор пришел к выводу о том, что политика России в области противодействия современной информационной войне должна быть целостной и системной и вряд ли ее можно ограничить сферой информационной безопасности.

России необходимо разработать систему мер по обеспечению внутренней безопасности и противодействию экстремизму. Во времена повсеместных цветных революций и так называемого управляемого хаоса особое значение приобретают общественная безопасность, обеспечение единства народов России, пресечение экстремизма, национализма и других подрывных действий. Неслучайно, в Совете Безопасности обсуждают концепцию стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на период до 2025 года и меры по ее реализации. Созданное в середине 2015 года Федеральное агентство по делам национальностей, будем надеяться, вберет в себя все лучшее, что было в свое время в министерстве по делам национальностей, и поможет государству в решении этих проблем. Тема эта чрезвычайно сложная для такого полиэтничного государства, как Российская Федерация. Однако представляется, что замалчивание и нежелание обсуждать с обществом отдельные нелицеприятные факты, игнорирование федеральными СМИ информации о вопиющих преступлениях (в благих, казалось бы, целях – не раздувать пожар, поддержать хрупкое согласие в обществе) отнюдь не содействует достижению межнационального согласия и примирения. Информационный

вакуум мгновенно заполняется сообщениями и картинками экстремистского содержания.

Далее. *Необходимо в срочном порядке продумать программу защиты отечественной культуры, русского языка, системы образования и воспитания от разрушительного воздействия пропаганды извне.* Хочешь победить врага – воспитай его детей, – эту восточную мудрость уже давно используют в своих целях американцы, пичкая подрастающее поколение разных стран сомнительными мультиками, низкопробными кинофильмами, кровавыми компьютерными играми (но, кстати, многие страны выстраивают эффективную систему защиты, например Китай). Мы должны осознать наконец: поколение вялых, аполитичных игроманов страну не удержит, равно как и патриотически настроенное, но физически и психически нездоровое поколение.

Нужно разработать программу информационного ликбеза и медиаобразования в школах и вузах с раскрытием механизмов конспиративной войны, или войны с сознанием, когда разрушаются ценностные установки населения противника, его гражданская и национальная идентичность.

Важно помнить, что психологическая сущность манипуляции – в эксплуатации человеческих эмоций. Что касается причин, по которым отдельные группы становятся объектами манипуляции, то к ним, как правило, относят: элементарное отсутствие знаний, необходимых для формулирования контраргументов против ложной или фрагментарной, вырванной из контекста информации; критические эмоциональные состояния или психологические травмы, под влиянием которых люди становятся легковнушаемыми; наличие социальных позиций, профессиональных и иных статусов, требующих от людей подчинения аргументам и дискурсам вышестоящих субъектов. Если все эти причины срабатывают у большинства манипулируемых – это залог успеха. И ничего страшного, что в обществе найдется группа несогласных, которые обладают иммунитетом против манипуляции. Если эти люди не контролируют центральные СМИ и не имеют решающего слова в элитных социальных институтах и организациях, производимые ими контрдискурсы не представляют угрозы для агентов манипуляции.

Нужно уже с подросткового возраста тренировать способности к противодействию манипуляции. В сущности, все довольно просто: во время просмотра, прочтения, прослушивания новостей нужно учиться самому себе задавать вопросы: а кому выгодна эта информация? Зачем она преподнесена в таком ключе? Какие цели преследует информатор? Приемы манипуляции должны быть общеизвестны: ситуация, в которой берется интервью (интервьюируемого можно подать в очень невыгодном свете); прямой эфир или передача в записи (ведь порой не только политики являются манипуляторами, иногда они сами становятся жертвами манипуляций со стороны СМИ); фотографии, цитаты, заголовки, которые можно сфабриковать, исказить, неточно процитировать, отредактировать, как-то по-своему интерпретировать,

отнестись избирательно, намеренно что-то упустить из виду или, напротив, приписать кому-либо заявления, которых он никогда не делал, наконец, придержать правду, опубликовать ее тогда, когда она уже потеряла свою актуальность. И, конечно, отдельного внимания заслуживают опросы общественного мнения, к которым следует подходить с особой осторожностью.

Как известно, никакой опрос не охватывает сколько-нибудь объемную аудиторию: в самом деле, 1500 респондентов на 140 миллионов населения – это ничто, но в заголовке и в «теле» новости ведь, как правило, подается иначе: «Россияне считают...», «Большинство жителей России выступило за...», «Россияне не поддерживают...». Здесь есть о чем задуматься. Полагаю, что опросы общественного мнения – это не только метод изучения настроений в обществе, но и действенный инструмент манипуляции.

Идеологическая диверсия – еще один эффективный инструмент манипуляции, и к нему тоже должен быть подобран «антидот». Объектом такой диверсии стала в свое время советская молодежь. Удивительно, но данные о тайных операциях американских спецслужб были у наших специалистов. Ю.В. Андропов в своем первом публичном докладе отмечал, что империалисты «активно участвуют в организации идеологических диверсий, направленных на то, чтобы ослабить идейно-политическое единство советского народа. Империалистические разведки самым тесным образом координируют свою деятельность с огромной пропагандистской машиной, которая также используется в целях дезинформации и обмана общественности, в попытках подорвать доверие к социалистическому государству, к работе его органов» [17. С. 5].

Широко известна и цитата Аллена Даллеса, который по окончании войны обещал бросить все, что имеется, на оболванивание и одурачивание советских людей. «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России... Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов...» [2. С.65]

Можно только восхищаться такой изобретательностью (хотя все новое – это хорошо забытое старое, конечно) и высоким исполнительским мастерством изобретателей. При том, что наши спецслужбы были осведомлены о таких планах и пытались противодействовать, самоподрыв сильнейшего государства, служившего мощным противовесом американской гегемонии, все же произошел. И здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Г. Почепцова, который, отмечая очень мощную вербальную идеологическую аргументацию (в самом деле, возможности радиостанций, которые даже при противо-

действию со стороны СССР в виде глушения все равно накрывали своим вещанием всю территорию страны, сбрасывать со счетов нельзя), говорит о несоответствии потоков информации (противник победил благодаря использованию различных информационных носителей, которые генерировали в воображении реципиента новый для него мир, – книги, фильмы, товары народного потребления и т.д., одним словом, не только новости).

И в качестве третьей причины крушения СССР Почепцов называет доминирование единой, официальной точки зрения на все события в стране, иными словами, об отсутствии плюрализма мнений, разнообразия подходов и т.д. А ведь люди, получающие однобокую информацию, легко переубеждаются. В отличие от тех, кто получает доводы и «за», и «против» и имеет возможность вынести собственное суждение о том или ином событии.

Вот это, с точки зрения автора, необходимо учесть нынешней политической элите. Высказаться (разумеется, в установленном законом порядке) должны иметь возможность все члены общества. И каналы информации должны быть разнообразными. И самое главное – мнение этих людей должно доходить до властной элиты. Для устойчивости политической системы нам нужна качественная обратная связь. Не ее видимость.

Все вышеперечисленное относится к механизмам концентриальной войны. Полагаю, что *такой курс – противодействия манипуляции сознанием – был бы полезен каждому гражданину*. Здесь, правда, есть и обратная сторона медали – чем умнее и талантливее гражданское общество, тем сложнее государству им управлять... В таком случае в соответствии с принципом необходимого разнообразия государственным институтам придется самим постоянно совершенствоваться, чтобы не терять рычагов управления и контроля. Но в любом случае это лучше, чем выращивать послушное стадо, которому все равно, кто им управляет.

Полагаю, что на сегодняшнем этапе *России необходимо оказывать интенсивное противодействие теперь уже не попыткам, а целенаправленной кампании по фальсификации истории и, особенно, пересмотру итогов Второй мировой войны*. Очевидно, что, как только участникам кампании по фальсификации удастся поставить знак равенства между фашизмом и сталинизмом, процесс пересмотра итогов Второй мировой войны и всего послевоенного мироустройства вступит в свою решающую фазу. Очень четко в эту схему укладываются действия польских, украинских националистов по сносу памятников и осквернению кладбищ, и совершенно не понятно, как некоторые российские политики (надеюсь, это у них происходит неосознанно, от какой-то, возможно, политической близорукости, недомыслия) начинают действовать в том же духе, призывая, к примеру, к «десталинизации современной России» и внося сомнительные законодательные инициативы, такие как проект федерального закона «О противодействии реабилитации преступлений сталинского тоталитарного режима (сталинизма)».

Что сделал автор законопроекта? Сам же вдруг взял да и воспользовался приемом информационной войны – дискредитацией. Некоторые исследователи, я напомним, называют дискредитацию «исторической войной», в ходе которой проводится моральная ликвидация всех героев и выдающихся людей, составляющих предмет гордости того или иного народа.

Даже не стоит и напоминать, наверное, об «откровениях» в прессе, появившихся в конце 80-х гг. прошлого столетия, когда развенчивалась и опошлялась вся советская история. Не только подвиги пионеров-героев и комсомольцев в годы Великой Отечественной войны – рушили устоявшиеся образы всех оставивших след в истории страны, включая самодержцев Петра Великого, Екатерину Вторую и Ивана Грозного. Выходило так, что вся наша история – ничто, и правили отродясь Россией одни лишь ничтожества. Этот парадокс – глумления над собой, своей армией и историей – подметила Н. Нарочницкая. По ее словам, в России «традиция пренебрежения и презрения к собственной истории со стороны большей части интеллигенции сильна», и «такого извращения сознания больше нет нигде» [9. С. 77]. Призываю все-таки не позволять отдельным одиозным представителям нашего политического истеблишмента разделять общество посредством надуманных информационных поводов, тем более в столь непростой для страны период, а также относиться к нашей общей истории бережно, уважительно, объективно и не подвергать ее шельмованию. А для этого историю все-таки надо знать.

И здесь встает еще один *наиважнейший вопрос – преподавания истории в школе*. При всей его очевидности и столь широкой обсуждаемости на самом высоком уровне в последнее время вопросы к уровню преподавания все же остаются. Иначе как объяснить, например, причину категоричных поверхностных выводов, сделанных учеником 9-го класса после рассмотрения в классе темы причин Второй мировой войны, которые в трех словах сводятся к следующему: «Мам, не зря нас Польша так ненавидит. Мы, оказывается, с Гитлером договор заключили...» Пришлось многое объяснять, рекомендовать почитать книги на эту тему, а также вместе обсудить новость про вызванного в посольство Польши российского посла в связи с его высказываниями о роли Польши в развязывании Второй мировой войны.

Представляется, что *проблему фальсификации истории нельзя недооценивать: манипулируя прошлым, можно оказывать воздействие на настоящее и, как следствие, управлять будущим*. Поэтому историю надо хорошо знать. И очень внимательно читать тексты. Если, конечно, мы хотим оставаться субъектами истории. Очень много внимания этому уделяют Н. Нарочницкая, С.Г. Кара-Мурза, А.С. Панарин и другие исследователи проблемы. А вот мнение иностранца – Тена ван Дейка, который даже вводит термин – *дискурс школы*. Он пишет: «Дети, подростки и молодые люди ежедневно проводят много часов за уроками и учебниками – единственными книгами, обязатель-

ными к чтению в нашей культуре. Это означает, что не существует института и дискурса, сравнимого по своей массовости с институтом и дискурсом школы» [3. С.143].

И здесь же в связке *проблема воспитания патриотизма, которой государство также должно уделять много внимания*, – но не ура-патриотизма, а здорового патриотизма, при котором ни одно событие прошлого не предается забвению, шельмованию, но из каждого, пусть даже и постыдного, события, делаются серьезные выводы, дабы не повторять ошибки в будущем. Все это является подлинной, созидательной, как говорит Н. Солженицына, – зрячей любовью к собственной стране и уважением к ее великой истории. Очень хотелось бы надеяться, что преподавание истории в школе будет именно таким – проникнутым духом здорового патриотизма, созидательной любви к своей Родине и уважения к прошлому.

Необходимо содействовать отечественным СМИ в разработке правил работы с информацией и этики общения в условиях информационной войны (отдельно обозначим те же проблемы, но в сети Интернет, который, как известно, средством массовой информации у нас не считается). Надо учить журналистов пользоваться информацией и не реагировать на отдельные провокации. В качестве антипримера – новость, показанная на Первом канале 14 июня 2014 г., о якобы распятом фашистами трехлетнем мальчике. Как справедливо замечает С.Г. Кара-Мурза, «прямая ложь в СМИ есть признак низкой профессиональной квалификации редактора: ее обнаружение вызывает потерю контроля над аудиторией, она становится невосприимчивой к пропаганде» [6. С. 283]. Первый канал, похоже, проглотил «утку», фактически подставив под удар все российские СМИ и дав повод говорить недругам: «Посмотрите, что творит путинская пропаганда, вы только посмотрите!» Поэтому правила работы с информацией должны быть жестко регламентированы в условиях информационной войны. И этика общения, в том числе в различных ток-шоу, должна быть тоже четко определенной.

Теперь *отдельно о сети Интернет*. Сегодня многие исследователи проблемы призывают контролировать, мониторить Интернет на предмет выявления информационных угроз и, как следствие, обеспечения политической и военной безопасности [14]. И в этом есть, безусловно, здравый смысл и логика, ведь мы же знаем, как вспыхивают бархатные и прочие революции. Не без помощи того же Twitter. Как известно, с правовой точки зрения Интернет к СМИ так и не приравнен (хотя попытки такие предпринимались, и небезосновательно). Более того, сегодня, в разгар информационной войны, мы охотно внимаем заверениям владельцев поисковиков, что они никем не ангажированы и «пятерка» самых читаемых новостей формируется сама собой, без влияния человеческого фактора (речь идет о так называемом агрегаторе новостей, скажем, на «Яндексе»); лично неоднократно наталкивалась на заявления для прессы одного из топ-менеджеров «Яндекса», в которых опровергалась сама

возможность вмешательства человека в сугубо технический, механизированный, роботизированный процесс).

Можно, конечно, этому верить на слово. А между тем нужно работать в направлении более жесткой регламентации деятельности сайтов и особенно поисковиков, посетителями которых ежедневно являются десятки миллионов человек (!) в день. Нужно помнить: мы живем в информационном обществе. Информация стала товаром. Информация стала пищей. И оружием. Поэтому правила работы с ней должны быть четко и недвусмысленно регламентированы. Вот и Дмитрий Медведев в интервью «Новой газете» от 28.09.2015 высказался за регулирование Интернета.

Попутно отмечу: информационное оружие в виде Интернета, который был изобретен нашими геополитическими соперниками, мы можем обернуть в свою пользу.

Во-первых, Интернет с его безграничными пространствами соцсетей и привычкой современного человека блуждать по ним в поисках картинок в состоянии мобилизовать общественное мнение внутри страны.

Во-вторых, он может поспособствовать прорыву информационной блокады. Напомню в связи с этим историю с временным отстранением от микрофона пресловутой Джен Псаки в разгар украинского кризиса, когда г-жа Псаки обиженно заявила, что пала жертвой российской пропаганды. Отчасти ведь так оно и было. Такого количества обидных картинок в Интернете не удавалось ни один представитель американской администрации.

Памятуя об этом успешном опыте, предлагаю усилить работу в социальных сетях – поощрять труд добровольцев, ваяющих разные смешные картинки, и нанимать на работу опытных креативных специалистов, способных создавать маленькие шедевры, бьющие рекорды по количеству просмотров, а также генерировать новые идеи. Учитывая тот факт, что молодежь сегодня все меньше читает – все больше «лайкает», это было бы полезно. Разумеется, картинки должны быть не только на русском языке. Иначе будет решена только первая задача – стимулировать информационную мобилизацию. Впрочем, и достижение только первой задачи было бы желаемым, это позволило бы еще более скрепить перед лицом опасности наше общество. Убеждена: каждому патриотически настроенному гражданину России необходимо присутствовать в том числе на иностранных интернет-ресурсах для продвижения нашей информации туда и получения информации оттуда, а также помогать государству интеллектуально, изобретая новые и новые способы воздействия «мягкой силой». При этом каждый гражданин должен быть предупрежден и вооружен техниками защиты от манипуляции, противостояния информационному оружию.

Также полагаю, что сегодня *государству необходимо развернуть работу по оказанию содействия теле- и радиовещанию Российской Федерации на страны ближнего и дальнего зарубежья (иновещанию)*. Успехи МИА «Россия

сегодня» впечатляют, но до сих пор нет ответа на вопрос: почему в результате проведенной реформы ушел в небытие бренд с 85-летней историей – радиостанция «Голос России»?! Зачем понадобилось переименовывать эту старейшую и узнаваемую радиостанцию в радио «Спутник», вещающее к тому же только в Интернете? И почему никто в очередной раз не позаботился о трудоустройстве штучных профессионалов – знатоков редких языков?

Жаль, что реформа иновещания отчасти обернулась кадровой чехардой и борьбой чьих-то амбиций. Вряд ли это в интересах дела. Убеждена: должно быть больше радиостанций – хороших и разных. «Голос России», Russia Today, «Спутник» и еще не один десяток гипотетических иновещательных структур должны наращивать деятельность по укреплению имиджа России и донесению во все уголки земного шара нашей, российской точки зрения на события в стране и мире, при этом донесению круглосуточному, на удобных частотах, через мощные передатчики, чтобы программы можно было слушать без помех.

Важно помнить: информационные войны ориентированы не столько на противника, сколько на создание обработанного в нужном направлении мирового общественного мнения. Имидж сегодня – все.

Важно понимать, что успешно противостоять информационной агрессии можно только сообща, привлекая всех: экспертное сообщество, неправительственные организации, институты гражданского общества, отдельных неравнодушных к проблеме граждан – словом, использовать, как выразился Президент России в Послании Федеральному Собранию на 2015 г., бесценный социальный и гражданский потенциал страны. «Если государство и общество действуют в одной повестке, в атмосфере сотрудничества и доверия, – это гарантия достижения успеха» [12]. Об этом же, но уже цитатой из Д.И. Менделеева, В.В. Путин говорил при оглашении Послания Федеральному Собранию на 2016 г.: «Разрозненных нас сразу уничтожат. Наша сила в единстве, в воинстве, в благодушной семейственности, умножающей прирост народа, и в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия» [13]. Но вот это «сообща», вот эта консолидация, единая повестка, в которой действуют государство и общество, атмосфера сотрудничества и доверия невозможны без целостной внутренней и внешней политики – понятной, прозрачной и поддерживаемой гражданами страны.

С внешней политикой сегодня все более или менее ясно: мы не претендуем на глобальное доминирование, но будем отстаивать принципы справедливости в международной жизни. А вот что касается внутренней политики, то здесь у большинства россиян, и особенно в условиях финансово-экономического кризиса, возникает много вопросов. Пока складывающаяся ситуация (когда декларируется одно, а в реальности человек видит совсем другое), увы, не служит делу единения, согласия, консолидации всех слоев общества вокруг какой-то идеи, да и сама идея так толком и не сформулирована.

Патриотизм? Это скорее следствие, нежели причина. Это чувство, которое возникает само собой по отношению к такому государству, политикой которого гражданин гордится, заботу которого о себе он ежедневно ощущает, защищать которое в случае угроз и вызовов он готов беспрекословно. Поэтому *мысль* (которую можно назвать национальной идеей, идеологией, миссией России – как угодно) – *кто мы, что мы хотим, к чему стремимся – должна быть в конце концов четко обозначена, для того чтобы и граждане внутри страны, и все, кто снаружи, понимали – что есть Россия и каковы ее устремления*. И сформулирована она должна быть не посредственными чиновниками и не единолично главой государства. Это должно быть консолидированное мнение всего российского народа. Убеждена, что только такой подход гарантирует нам успех.

© Алексеева Е.С., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Арансон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2002.
- [2] *Брусницын Н.А.* Информационная война и безопасность. М.: Вита-Пресс, 2001.
- [3] *Ван Дейк Тен А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. С.143.
- [4] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 сентября 2000 г.). Правовая база «КонсультантПлюс».
- [5] Информационные войны в современном мире. Материалы международной конференции. М., 2008.
- [6] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2013.
- [7] *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М.: Центрполиграф, 2013.
- [8] *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Третья мировая информационно-психологическая война. М., 2000.
- [9] *Нарочницкая Н.* Великие войны XX столетия. М.: Вече, 2010.
- [10] *Панарин А.С.* Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., Русский мир, 2005.
- [11] *Панарин И.Н.* Первая мировая информационная война. Развал СССР. Питер, 2010.
- [12] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2015 год. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
- [13] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации на 2016 год. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>.
- [14] *Расторгуев С.П.* Планирование и моделирование информационной операции // Информационные войны. 2014. № 1. С. 9.
- [15] *Почепцов Г.* Информационно-психологическая война. М.: Синтег, 2000.
- [16] *Сунь Цзы, У Цзы.* Трактаты о военном искусстве. М., 2001.
- [17] *Хлобустов О.М.* Доктрина Даллеса в действии. М.: Эксмо, 2012.

REFERENCES

- [1] *Aranson Je., Pratkanis Je.* Jepoha propagandy: mehanizmy ubezhdenija, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie. SPb., 2002.
- [2] *Brusnicyn N.A.* Informacionnaja vojna i bezopasnost'. M.: Vita-Press, 2001.
- [3] *Van Dejk Tjon A.* Diskurs i vlast'. Rerezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. M., 2013. S.143.
- [4] Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 sentjabrja 2000 g.). Pravovaja baza «Konsul'tantPljus».
- [5] Informacionnye vojny v sovremennom mire. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. M., 2008.
- [6] *Kara-Murza S.G.* Manipuljacija soznaniem. M.: Algoritm, 2013.
- [7] *Lajnbardzher P.* Psihologicheskaja vojna. M.: Centrpoligraf, 2013.
- [8] *Lisichkin V.A., Shelepin L.A.* Tret'ja mirovaja informacionno-psihologicheskaja vojna. M., 2000.
- [9] *Narohnickaja N.* Velikie vojny HH stoletija. M.: Veche, 2010.
- [10] *Panarin A.S.* Revansh istorii. Rossijskaja strategicheskaja iniciativa v XXI veke. M., Russkij mir, 2005.
- [11] *Panarin I.N.* Pervaja mirovaja informacionnaja vojna. Razval SSSR. Piter, 2010.
- [12] Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii na 2015 god. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
- [13] Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii na 2016 god <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>.
- [14] *Rastorguev S.P.* Planirovanie i modelirovanie informacionnoj operacii. Informacionnye vojny. 2014. № 1. S. 9.
- [15] *Pochepcov G.* Informacionno-psihologicheskaja vojna. M.: Sinteg, 2000.
- [16] *Sun' Czy, U Czy.* Traktaty o voennom iskusstve. M., 2001.
- [17] *Hlobustov O.M.* Doktrina Dallesa v dejstvii. M.: Jeksmo, 2012.

RUSSIAN OFFENSIVE STRATEGY IN THE CONDITIONS OF THE MODERN INFORMATION WARFARE

Elena S. Alexeyeva

The Council of the Federation
of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russia

Despite rather volume scientific knowledge of information warfares and methods of their maintaining, the general understanding of information warfare is still not present. And this circumstance does very difficult counteraction to this threat. According to the author, investigators of a problem need to combine efforts and to develop the uniform coordinated definition of this phenomenon in order that it was possible to state him in the legislation subsequently and to develop rules of the game in information space. After the expert community will come to consensus concerning definition of concept of information warfare, according to the author, Russia

needs to initiate at the international level discussion on this matter, and then to promote emergence of concept of information warfare in international law. As soon as this concept is registered there, the countries will agree about rules of the game in an information space. Assistance to fixing in international law of accurately outlined legal definitions and standards of behavior in information space – one of the principles of the asymmetric response to external influence of stronger subjects of information antagonism. However the asymmetric answer – not the only thing that it would be possible to oppose to the existing information threats. The author, having understood an essence of information warfare, having studied it's methods, having shown, how they work at concrete examples, gives a number of specific proposals on improvement of policy of Russia in the conditions of modern information warfare. From the author's point of view, Russia should move from defensive to offensive strategy. But imprisoning the edge information weapons and doing accurate information strikes to weak points of the enemy, the state should use first-hand information and objective facts. This will strengthen our image and give a chance not to be defeated in the information war.

Key words: information war, information aggression, information conflict, propaganda, manipulation with consciousness, misinformation, discredit

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-25-39

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРАДИГМЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Плащинский

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
Международный университет «МИТСО»
Минск, Беларусь

В статье осуществлен концептуальный анализ парадигмы нового мирового порядка и одной из ее важнейших доктринальных основ – доктрины мировой революции. Отмечаются социально-политические аспекты кризиса гегемонии США. Приводятся данные социологических исследований, свидетельствующие о нарастании изоляционистских настроений среди американской общественности. Предлагается альтернатива «миру по-американски».

Ключевые слова: социально-политические движения, США, парадигма нового мирового порядка, доктрина мировой революции, глобальная революция

Парадигма нового мирового порядка является матрицей системы глобального управления. Создание этой системы осуществляется поэтапно и планомерно. Данный процесс представляет собой «перманентную войну» как инструмент силового переустройства мира. В XX столетии основными этапами установления нового мирового порядка послужили Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война – масштабные геополитические проекты «англо-американского истеблишмента».

Политика гегемонизма неизбежно вызывает истощение ресурсов лидера и ведет к завершению эпохи американского доминирования. Не случайно данные социологических исследований, проведенных в Соединенных Штатах Америки в 2016 г., свидетельствуют о нарастании изоляционистских настроений среди американской общественности. Большая часть населения США устала от мировой гегемонии. Такая политика наносит вред самим США. Данный факт отмечают 49 процентов опрошенных (1). Несмотря на недовольство общественности как внутри США, так и за их пределами, Белый дом продолжает курс на установление нового мирового порядка.

В настоящее время трансформация системы международных отношений осуществляется в рамках «гибридной войны». Данный феномен обусловлен в том числе последствиями установления «мира по-американски». Среди них – серия «цветных революций» и «смен режима» по всему миру, глобализация терроризма, активизация «спящих ячеек» религиозных экстремистов, поток беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также многие другие проблемы, представляющие непосредственные угрозы мировому развитию.

Концептуальной основой процесса установления нового мирового порядка, его движущей силой, является идея создания «всемирного государства» и мирового правительства. Доктринальной основой глобализма выступают следующие доктрины: мировой революции, мирового правительства, нового мирового порядка, глобального управления и др. И, если в XX в. «ударной силой» доктрины мировой революции являлся пролетариат и идеология коммунизма, то в современных условиях наблюдается феномен «глобальной революции». В целях силового переустройства мира используются экстремистские группировки и идеология радикального ислама.

Так возникают предпосылки для новой мировой войны – *глобального межцивилизационного конфликта*. Очередной раскол мира на «своих» и «чужих», одна из главных причин международных конфликтов и проявление политики «разделяй и властвуй» происходит, с одной стороны, под прикрытием либеральной демократической идеологии США и, с другой стороны, под лозунгом глобального джихада и создания «всемирного исламского халифата». Нельзя исключать, что в результате этой войны и планируется создание «всемирного государства». Таким образом, процесс установления нового мирового порядка поляризует мир по линии ислам–христианство и представляет опасность для мирного развития человечества.

Доктрина мировой революции

Истоки доктрины мировой революции зародились еще в конце XVIII в. в Европе. Большинство известных «философов революции», в том числе Руссо, Ленин и особенно Троцкий, призывали к радикальной трансформации общества с целью создания «нового мира». Троцкий разработал теорию «перманентной революции». В тот период ее целью ставилась смена власти в европейских монархиях и создание «нового общества». Однако долгосрочной целью являлось достижение мировой гегемонии.

В книге «Перманентная революция» Троцкий писал, что «Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной, и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества ново-

го общества на всей нашей планете» [20]. Строительство такого общества в России осуществлялось посредством «красного террора». Троцкий и его сторонники рассматривали российское государство как «хворост» в пожаре мировой революции и плацдарм для дальнейшей экспансии международного большевизма.

Доктрина мировой революции является наднациональной. Англосаксонские элиты также использовали эту доктрину в своих интересах. В 1949 г. влиятельный британский политический деятель Л. Куртис¹ обозначил *взаимосвязь мировых событий как «мировую революцию»*. Он предлагал разработать «международную конституцию» для создания «всемирного государства» [29, с. 106; 135].

Приверженность правящих кругов США доктрине мировой революции отмечает новозеландский ученый К. Болтон. Он называет Нью-Йорк и Вашингтон «столицами мировой революции» и обращает внимание на ключевую роль «глобалистских элит» в спонсировании революционных движений по всему миру. При этом «Сталин был занят уничтожением международного большевизма, троцкистской угрозы и изменением хода многих аспектов социальных экспериментов большевиков в стране» [25].

Реализация доктрины мировой революции является *одним из этапов* установления нового мирового порядка. Данный этап включает революцию 1789 г. во Франции и, как следствие, серию европейских революций 1848 г. – так называемую «весну народов». В этом же причинно-следственном ряду следует рассматривать русско-японскую войну 1904–1905 гг. и революцию 1905–1907 гг. в России. Апогеем стала Первая мировая война и октябрьская революция 1917 г., которая послужила катализатором распада Российской империи как суверенной монархии. В рамках данного этапа была учреждена Лига Наций как первый наднациональный институт управления.

Правящие круги Великобритании и США, так же как и «троцкисты» в России, продвигали идею создания «нового мира». Однако, в отличие от марксистской идеологии, ими использовались демократические лозунги. Великобритания, например, приветствовала свержение монархии в России как начало «новой эпохи в истории мира». В марте 1917 г. премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил в парламенте следующее: «Британское правительство уверено, что эти события [отречение Николая II от престола. – А.П.] начинают собой новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война» [2]. После окончания Первой мировой войны британский премьер утверждал, что «мы закладываем фундамент нового мира» [27].

¹ Л. Куртис – один из «отцов-основателей» Британского содружества наций, а также «Группы круглого стола», которая инициировала учреждение Королевского института международных отношений (Великобритания) и Совета по международным отношениям (США).

Исторической целью англосаксонской геополитики является контроль над геополитическим пространством Евразии. «Осевым государством» континента, влияющим на направление и ход мировых событий, является Россия. Вот почему США и Великобритания заинтересованы в «необороноспособной России» и ее подчинении своим интересам [9; 18].

В XX в. США и Великобритания дважды способствовали столкновению России и Германии с целью их взаимного ослабления. Стремление Запада разделить Россию и установить контроль над ее ресурсами во многом объясняет организационно-финансовую поддержку революций начала XX в. в России, вовлечение ее в Первую мировую войну, финансирование продвижения Гитлера к власти в Германии и, как следствие, Вторую мировую войну. Об этом свидетельствуют, например, такие известные ученые и общественные деятели как А.И. Владимиров, В.Ю. Катасонов, Н.А. Нарочницкая, Н.В. Стариков, В.Е. Шамбаров, О.Н. Четверикова и др. [3; 5; 6; 11; 16–19; 21–23]. Среди американских ученых следует особо выделить труды профессора Э. Саттона, основанные на обширном фактическом материале [13–15]. Примечательно, что в 100-летнюю годовщину начала Первой мировой войны в немецком Бундестаге состоялись дебаты, организованные партией «Левые», на тему «Англосаксы – главные разжигатели войны».

Характер и масштабность геополитической мысли «англо-американского истеблишмента» позволяют сделать вывод о том, что Первая мировая война и Вторая мировая война являлись *геополитическими проектами*. Системы послевоенного мироустройства также проектировались Вашингтоном в рамках деятельности исследовательской группы «Расследование» (1917–1919) и проекта «Исследования войны и мира» (1939–1945). Реализация второго проекта началась в декабре 1939 г., то есть до вступления США в войну.

Более того, русско-японская война также проектировалась англосаксами. Доктор исторических наук В.Э. Багдасарян подчеркивает, что эта «проектность» осознавалась еще современниками. Задача-минимум состояла в сдерживании России на Дальнем Востоке. Одновременно реализовывалась задача-максимум: синхронизировать внешний и внутренний удар против российской государственности [1]. Такими «ударами» по государственности, как показано выше, послужили революции в России и Первая мировая война.

6 июня 1932 г. Председатель Валютного и Банковского Комитета Сената США Л. Макфадден откровенно заявил об участии банковско-финансовых кругов США в финансировании указанных событий. Американский сенатор заявил следующее: «Эти банкиры использовали деньги, чтобы финансировать Японию в войне против России. С помощью наших денег они создали царство террора в России, чтобы способствовать продолжению войны. Они спровоцировали сепаратный мир между Германией и Россией... Они финансировали путешествие Троцкого из Нью-Йорка в Россию для того, чтобы он помог в разрушении Российской империи. Они разжигали и провоцировали

российскую революцию, и они предоставили большие суммы в американских долларах в распоряжение Троцкого...» [35].

Несмотря на плодотворное экономическое сотрудничество между Россией и Германией накануне Первой мировой войны, идея похода на Восток (*Drang nach Osten*) активно пропагандировалась среди немецкой общественности и, в конечном итоге, стала преобладающей в милитаристских кругах Германии. Об этом свидетельствует Н.А. Нарочницкая в книге «Россия и русские в мировой истории» [11]. Агрессивная русофобская политика по созданию из России «образа врага» во многом предопределила начало войны. Аналогичный подход в отношении России преобладает в информационном пространстве Запада и сегодня.

В результате Первой мировой войны произошел распад европейских империй (Германской, Российской, Австро-Венгерской, а также Османской). Российская империя потеряла значительную часть своих территорий, исторического и геополитического наследия. В экономическом отношении Германия и Россия были существенно ослаблены. В геополитическом плане была предотвращена возможность сближения между германским и российским центрами силы. Так проявились последствия политики «разделяй и властвуй».

В послевоенный период США превратились из должника европейских держав в кредитора. В новых условиях внешнеполитическая стратегия Вашингтона была направлена на восстановление немецкого центра силы в Европе с тем, чтобы вновь направить Германию на Восток, но уже в рамках Второй мировой войны. Для этого Белый дом оказал поддержку Германии в рамках Плана Дауэса (1924) и Плана Юнга (1929) – прототипов Плана Маршалла (1947).

В период реализации плана Дауэса с 1924 по 1929 г. США и Великобритания инвестировали в экономику Германии 21 млрд марок. Гитлера подготовили к войне с СССР. Именно посредством войны планировалось установить «новый порядок».

В.Ю. Катасонов приводит следующие факты: «В 1924–1929 гг. Германия получила по Плану Дауэса от США 2,5 млрд долл., от Англии – 1,5 млрд долл. По нынешнему курсу это эквивалентно астрономической сумме примерно в 1 триллион долларов... В результате поверженная в войне Германия уже в 1929 г. вышла на второе место в мире по объему промышленного производства, обойдя Англию... К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала оказались все стратегически важные отрасли германской промышленности» [5]. Кроме того, в мае 1933 г. между Германией и США было подписано соглашение о предоставлении американских кредитов на сумму в 1 млрд долл. Аналогичное соглашение с Англией о займах на сумму в 2 млрд долл. было подписано в июне этого же года [5].

Американская экономическая дипломатия в 1920-е гг. способствовала полному восстановлению экономического и военного потенциала Германии, а также милитаризации немецкой экономики. Кредиты предоставлялись со стороны американских инвестиционных банков, в том числе управляемых «Морган Гаранти Траст Кампани», – одного из крупнейших акционерных банков США, учрежденного в 1861 г. в Нью-Йорке под названием «Дж.П. Морган и К.» (финансовый центр группы Морганов). Сделки по финансированию немецкой экономики осуществлялись при участии Государственного департамента США. В 1922 г. после встречи в Берлине американского банкира П. Варбурга с Гитлером национал-социалистическая рабочая партия Германии получила финансовую поддержку в размере 10 млн долларов [15].

В 1926 г. Л. Макфадден заявил в конгрессе США: «Гитлер идет к власти за счет американских налогоплательщиков. Мы помогаем Адольфу Гитлеру получить долларовый кредит, все до цента которого было потрачено на приход Гитлера к власти... В Германию было накачано... более десяти миллиардов американских денег» [12]. Таким образом, именно мощная финансовая поддержка со стороны США и Великобритании предопределила приход Гитлера к власти.

Исследователи Дж. Лофтус и М. Ааронс отмечают следующее: «Нацисты могли бы остаться небольшой политической партией, а Германия – слабым, безоружным государством, нуждающимся в средствах, если бы не мощные инвестиции иностранного капитала... по-настоящему главным событием этого периода был альянс между американскими нефтяными компаниями и Саудовской Аравией. Именно это событие стало основополагающим условием для будущей войны и катастрофы, устроенной нацистами. В исторических трудах даже не упоминается о тайном сотрудничестве Ибн Сауда, Джека Филби и Аллена Даллеса. А ведь именно они были секретным источником нефти, капиталов и международного влияния, действовавшими закулисно и выведшими Гитлера на мировую сцену» [8, с. 357]. Кроме того, американская банковская и инвестиционная фирма «Дж. Г. Уокер и К» послужила «одним из наиболее влиятельных финансовых доноров Гитлера в Соединенных Штатах» [8, р. 357–361].

Восхождение Гитлера к власти финансировалось совместно рядом крупных немецких, британских и американских банков и промышленных корпораций. Данный факт подтверждается документальными источниками [10; 15; 30; 32; 5]. Еще в 1941 г. немецкий промышленный магнат Ф.Тиссен в книге «Я заплатил Гитлеру» писал о своей значительной финансовой поддержке нацистской партии [39]. В сотрудничестве с Тиссеном работали А. Даллес (в то время сотрудник адвокатской фирмы «Салливан и Кромвель», будущий глава ЦРУ в 1953–1961 гг.) и А. Гарриман (владелец инвестиционной фирмы

«У.А. Гарриман и К», видный представитель американского политического истеблишмента, дипломат) [10; 30].

Кредиты из США и других западных держав способствовали тому, что уже с 20-х гг. XX в. предприятия тяжелой и военной промышленности Германии перешли к выпуску танков, орудий и другого вооружения. Была создана новейшая авиационная промышленность. Более того, американские промышленные концерны продолжали поставку нефти и горюче-смазочных материалов для нацистской военной промышленности вплоть до открытия Второго фронта в 1943 г. Еще с момента окончания Первой мировой войны значимое место в экономике Германии, которая не имела собственных нефтяных месторождений, занимал нефтяной трест Дж. Рокфеллера «Стандард ойл», поставлявший до 75 процентов потребляемого топлива. Таким образом, США активно содействовали восстановлению военно-промышленного потенциала Германии и направлению фашистской агрессии против СССР. Апогеем такой политики стал т.н. «мюнхенский сговор» в 1938 г.

В период холодной войны идеи троцкизма, выраженные в доктрине мировой революции, нашли свое продолжение в рамках неоконсервативного течения в США. Отец-основатель неоконсерватизма Л. Штросс использовал идеологическое наследие «троцкизма» в качестве концептуального обоснования американской внешней политики. После распада СССР и закрепления неоконсерваторов у власти в Белом доме доктрина мировой революции проявила себя вновь. Идея троцкистов о «мировой революции» *трансформировалась в доктрину глобальной революции.*

Феномен «глобальной революции»

Термин «глобальная революция» был впервые использован в 1993 г. в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция». Основное внимание в документе уделялось масштабным изменениям в мире, произошедшим в конце XX столетия. Истоки «глобальной революции» были определены как комбинация многих факторов, совокупность геостратегических потрясений, вызванных социальными, технологическими, культурными и этническими изменениями. Широта этих изменений, их повсеместный характер, а также единство причин, обусловивших всемирную трансформацию, представляют собой «первую глобальную революцию» [37, с. 3].

Кроме того, в докладе прослеживаются предпосылки формирования доктрины глобального управления. По мнению авторов документа, одним из главных вызовов для человечества в этот переходный период является то, «*как научиться управлять новым миром*» [37, с. 3]. С этой целью предлагалось «представить себе мир, в котором мы хотели бы жить, оценить доступные материальные, человеческие и моральные ресурсы для того, чтобы сделать наше представление реалистичным и устойчивым, а затем мобилизовать энергию

людей и политическую волю для создания *нового глобального сообщества* [курсив мой. – А.П.]» [37, с. 3].

В целях концептуальной разработки модели глобального управления Римский клуб опубликовал более 30 докладов. Миссией данной организации была определена «деятельность в качестве глобального катализатора перемен» [36]. Объединив видных политических деятелей, представителей науки и бизнеса со всего мира, Римский клуб (наряду с многочисленными другими «фабриками мысли») оказывает воздействие на формирование мирового общественного мнения в русле глобализма и продвижения либеральных ценностей. Так, например, доклад «Пределы роста», опубликованный в 1972 г. тиражом 12 млн экземпляров и переведенный на 30 иностранных языков, послужил концептуальным обоснованием доктрины «золотого миллиарда».

Под предлогом решения глобальных проблем, таких как перенаселение планеты, изменение климата, истощение природных ресурсов и др., транснациональные элиты продвигают идею создания мирового правительства. В 1973 г. в докладе Римского клуба «Региональные и адаптивные модели глобальной мировой системы» предлагалась концепция раздела мира на 10 взаимосвязанных политических и экономических регионов, реструктурированных по принципу «горизонтальной системы». Затем данные регионы планировалось объединить под эгидой единого центра власти, мирового правительства [28].

В современных условиях доктрина мировой (глобальной) революции проявляется в феномене глобализма. В рамках глобализации возникают новые социально-политические движения, схожие по характеру деятельности с всемирным движением федералистов («движение за мировое правительство»). Так, например, возникло глобальное социальное движение, направленное на «прогрессивное социальное изменение» [38]. Это движение нацелено на создание «всемирного государства» якобы для решения глобальных проблем в следующих областях: «мир, права человека, окружающая среда, бедность и развитие» [38].

Как уже отмечалось, основной предпосылкой для очередного этапа переустройства мира является возникновение радикальных организаций и движений (ИГИЛ и др.), используемых для силовой трансформации мира. Отдельные ученые пишут об «исламской революции XXI века». Она предстает не как разрозненные эпизоды, а как «попытка переустроить мир в глобальном масштабе» [7, с. 6].

В декабре 2008 г., накануне вступления в должность Президента США Б. Обамы, один из идеологов нового мирового порядка З. Бжезинский писал в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Впервые в истории почти все человечество является политически активным, политически сознательным и политически взаимосвязанным... Это пробуждение носит массовый социальный и полити-

чески радикализированный характер» [26]. С тех пор Бжезинский настойчиво проводит тезис о «глобальном политическом пробуждении».

23 апреля 2010 г., являясь сопредседателем Консультативного совета Центра стратегических и международных исследований (г. Вашингтон), он выступил в отделении Совета по международным отношениям в Монреале с речью «Геополитические дилеммы Америки». В выступлении Бжезинский подчеркнул «абсолютно новую реальность», которая «проходит сквозь суверенные границы и бросает вызов как существующим государствам, так и глобальной иерархии» [24].

Бжезинский подчеркивает, что «Молодежь Третьего мира в массе своей неспокойна и обижена. Демографическая революция, воплощением которой они являются, поэтому, представляет собой политическую бомбу замедленного действия... Эти миллионы студентов являются революционерами в “режиме ожидания”, уже наполовину мобилизованными в большие союзы, связанные через Интернет и предопределенные воспроизвести в более широком масштабе то, что годами ранее произошло в Мехико Сити или на площади Тяньаньмэнь. Их физическая энергия и эмоциональная фрустрация всего лишь ожидают момента для того, чтобы быть приведенными в действие случаем, верой или ненавистью...» [26; 34].

Вместе с тем названный идеолог нового мирового порядка умалчивает о том, что радикализация ислама и молодежи «третьего мира» произошла во многом вследствие вооруженных интервенций США. Их целью является силовое переформатирование не только Большого Ближнего Востока, но и Евразии в целом («чтобы владеть миром, нужно владеть Россией»). Именно вследствие такой политики и происходит распространение экстремистской идеологии.

Идея глобального джихада является одной из главных угроз международной безопасности. В условиях глубокого духовно-нравственного кризиса западной цивилизации происходит активизация «спящих ячеек» экстремистов, расширение их деструктивной деятельности и создание единого театра военных действий в мировом масштабе. Отсутствие сдерживающей силы в лице евразийской коалиции государств и скоординированной международной антитеррористической политики способствует постепенному слиянию региональных «горячих точек» в глобальное пространство хаоса.

Американское руководство преподносит возникновение хаоса, например, в Ливии, как «ошибку» внешнеполитического планирования. Так, «самой большой ошибкой» своего президентства Б. Обама назвал «провал в подготовке плана на следующий день после вторжения в Ливию». Саму интервенцию он назвал «правильным шагом». Тезис об «ошибках» политики США на Ближнем Востоке сегодня озвучивают и другие представители американского политического истеблишмента. При этом они умалчивают о заведомо необоснованном предлоге интервенции в Ирак в 2003 г., которая и послужила началом силовой трансформации Большого Ближнего Востока.

В деятельности радикальных движений и экстремистских организаций прослеживается четко скоординированная и целенаправленная политика по хаотизации Евразии и всего мира. Именно после событий «арабской весны» и попыток США переформатировать Большой Ближний Восток возникла *опасность глобального межцивилизационного конфликта*. Так проявляется реализация доктрины «глобальной революции».

А. Дугин подчеркивает: «Как троцкисты с “перманентной революцией”, современные стратеги Вашингтона приняли концепцию “перманентной хаотизации”. Цели победить в этой новой войне (подчас называемой “гибридной”) нет. Целью является сам процесс ее ведения» [4].

В целом, такая оценка международной ситуации представляется вполне обоснованной. Вместе с тем цель проекта «новый мировой порядок» обозначилась уже достаточно четко: под предлогом «сдерживания» хаоса и решения глобальных проблем архитекторы нового мирового порядка предприняли очередную *попытку институционализации мирового правительства*.

Не случайно в ходе дискуссии, последовавшей после упомянутого выступления Бжезинского, он заявил о необходимости замены ООН на новую систему глобального управления. Такая система, по его мнению, должна быть основана на единой всемирной организации, то есть, де-факто – мировом правительстве. Бжезинский подчеркнул, что такая организация должна быть создана [24]. В 2014 г. в поддержку создания наднациональной глобальной платформы взамен ООН выступил М. Горбачев, ссылаясь на просьбу транснациональных элит [31].

Заключение.

Есть ли альтернатива «миру по-американски»?

Процесс установления нового мирового порядка предполагает десувениризацию государств с целью учреждения мирового правительства. Современные технологии воздействия на массовое сознание нацелены, главным образом, на продвижение либеральных ценностей и модели глобального «антикризисного» управления. Мировое общественное мнение планомерно настраивается на «демократический» выбор в пользу мирового правительства. Единственной альтернативой в этой связи является реализация многополюсной межцивилизационной модели мироустройства, основанной на традиционных ценностях и синергетических принципах. Для того, чтобы остановить глобальный хаос и обеспечить мирное развитие человечества, требуется мощная *созидательная мировоззренческая идея*, способная консолидировать мировое сообщество. На основании такой идеи возможно концептуальное видение будущего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В соответствии с результатами социологических исследований, проведенных Центром «Pew Research Center» в 2016 г., большинство американцев (57%) считают, что власти США должны разобраться с внутренними проблемами и позволить другим странам решать собственные проблемы так, как они сочтут нужным. При этом 51% опрошенных граждан США полагают, что Вашингтон должен учитывать мнение союзников при определении своей внешнеполитической стратегии. Кроме того, у американцев растут изоляционистские настроения: только 44% положительно расценивают внешнее вмешательство США; 49% отмечают, что такая политика приносит вред самим США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Багдасарян В.Э.* Русско-японская война и англо-сакская геополитика // Центр научной политической мысли и идеологии. 2014. URL: <http://rusrand.ru/analytics/russko-japonskaja-vojna-i-anglo-sakskaja-geopolitika>.
- [2] Биржевые ведомости. 1917 г. 5 марта. № 10120. С.1.
- [3] *Владимиров А., Катасонов В.* Игры англосаксов // Завтра. 2015. URL: <http://zavtra.ru/content/view/igryi-anglosaksov>.
- [4] *Дугин А.Г.* Теракты «Пятницы 13» как точка отсчета // Геополитика. 2015. URL: <http://www.geopolitics.by/analytics/aleksandr-dugin-terakty-pyatnicy-13-kak-tochka-otscheta#sthash.6tIpm0WU.dpuf>.
- [5] *Катасонов В.Ю.* Англо-американские хозяева денег как организаторы Второй мировой войны // Фонд стратегической культуры. 2015. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/03/anglo-amerikanskije-hozjaeva-deneg-kak-organizatory-vtoroj-mirovoj-vojny-i-33098.html>.
- [6] *Катасонов В.Ю.* Первая мировая война и современный «экономический аутизм» // Русский лад. 2015. URL: <http://forum-ruslad.ru/index.php/98-novosti/374-v-yu-katasonov-pervaya-mirovaya-vojna-i-sovremennij-ekonomicheskij-autizm>.
- [7] *Кожожкин Е.* Исламская революция 21 века // Известия. 2015. 14 марта. С. 6.
- [8] *Лофтус Дж., Ааронс М.* Тайная война против евреев // Хроники Иерусалима. 2009. URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/secret/2.html#4>.
- [9] *Мединский В., Стариков Н.* Необороноспособная Россия – мечта англосаксов // Politikus.ru. 2013. URL: <http://politikus.ru/articles/9230-neoboronosposobnaya-rossiya-mechta-anglosaksov.html>.
- [10] *Мертенс П.* Семья Буш и нацистская Германия // Лефт.ру. 2005. URL: <http://left.ru/2005/8/mertens125-2.phtml>.
- [11] *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003.
- [12] Проект Россия. Книга 4. Большая идея // Project03.ru. 2010. URL: <http://project03.ru/pr>.
- [13] *Саттон Э.* Как орден организует войны и революции // Даария. 2005. URL: <http://vzv.by/books-sutton>.
- [14] *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевицкая революция // Даария. 1998. URL: <http://vzv.by/books-sutton>.

- [15] *Саттон Э.* Уолл-стрит и приход Гитлера к власти. М., 2015.
- [16] *Стариков Н.* Геополитика: Как это делается. СПб., 2014.
- [17] *Стариков Н.* Революция, англосаксы и Троцкий. 2011. URL: <http://nstarikov.ru/blog/9386/comment-page-1>.
- [18] *Стариков Н.* Роль Англии и США в организации революций и переворотов в России // Н. Стариков. 2013. URL: <http://nstarikov.ru/blog/34989?print=pdf>.
- [19] *Стариков Н.* Сталин, вспоминаем вместе. М., 2013.
- [20] *Троцкий Л.Д.* Перманентная революция // Книггер. 1924. URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=16516&page=88>.
- [21] *Четверикова О.Н.* Закулисная предыстория второй мировой войны: об ответственности Запада // Фонд стратегической культуры. 2009. URL: <http://fondsk.ru/article.php?id=2320>.
- [22] *Четверикова О.Н.* 1 августа 1914 года: возможен ли обратный ход российской истории? // Фонд стратегической культуры. 2012. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/07/28/1-avgusta-1914-vozmozhen-li-obratnyj-hod-rossijskoj-istorii-i-15756.html>.
- [23] *Шамбаров В.* Опасная история. Кто «заказал» Россию революционерам // Файл-РФ. 2012. URL: <http://file-rf.ru/analytics/750>.
- [24] *America's Geopolitical Dilemmas / Canad. Intern. Council* // Vimeo, Your Videos Belong Here. URL: <https://vimeo.com/11303942>.
- [25] *Bolton K.R.* Origins of the Cold War: How Stalin Foiled a 'New World Order'. Relevance for the Present // *Foreign Policy J.* 2010. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order>.
- [26] *Brzezinski Z.* The Global Political Awakening // *The New York Times.* 2008. URL: http://www.nytimes.com/2008/12/16/opinion/16iht-YEbrzezinski.1.18730411.html?_r=0.
- [27] *Butten S.* The New World Order. Philadelphia, 1919.
- [28] *Cooper M.W.* Behold a Pale Horse // M. Cooper. 1991. URL: <http://www.whale.to/b/cooper.pdf>.
- [29] *Curtis L.* World Revolution in the Cause of Peace. New York, 1949.
- [30] Documents: Bush's Grandfather Directed Bank Tied to Man Who Funded Hitler // Fox News. 2003. URL: <http://www.foxnews.com/story/2003/10/17/documents-bush-grandfather-directed-bank-tied-to-man-who-funded-hitler.html>.
- [31] Gorbachev Proposes New Global Forum to Augment 'Lame UN' // *Russia Today.* 2014. URL: <http://rt.com/news/207787-gorbachev-program-stabilize-world>.
- [32] How the Bush Family Made its Fortune from the Nazis // Robert Lederman. 2000. URL: http://www.tetrahedron.org/articles/new_world_order/bush_nazis.html2002.
- [33] *King A., Schneide B.* The First Global Revolution. A Report by the Council of the Club of Rome // The Club of Rome. 1993. URL: http://www.geoengineeringwatch.org/documents/TheFirstGlobalRevolution_text.pdf.
- [34] *Marshall A.G.* Are We Witnessing the Start of a Global Revolution? // *Global Research.* 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/are-we-witnessing-the-start-of-a-global-revolution/22963>.
- [35] *McFadden, L.T.* [Speech in the House of Representatives, 10 June 1932] / L.T. McFadden // Alachua Freenet. URL: <http://www.afn.org/~govern/mcfaddengif.html>.
- [36] The Club of Rome // The Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/?p=199>.

- [37] The First Global Revolution: a rep. by the Council of the Club of Rome, 1991 // Internet Archive. 1991. URL: <https://archive.org/details/TheFirstGlobalRevolution>.
- [38] The World Revolution // worldrevolution.org. 2015. URL: <http://www.worldrevolution.org>.
- [39] *Thyssen F.* I paid Hitler. New York, 1941.

REFERENCES

- [1] *Bagdasarjan V.Je.* Russko-japonskaja vojna i anglo-sakskaja geopolitika // Centr nauchnoj politicheskoj mysli i ideologii. 2014. URL: <http://rusrand.ru/analytics/russko-japonskaja-vojna-i-anglo-sakskaja-geopolitika>.
- [2] Birzhevye vedomosti. 1917 g. 5 marta. №10120. S. 1.
- [3] *Vladimirov A., Katasonov V.* Iгры anglosaksov // Zavtra. 2015. URL: <http://zavtra.ru/content/view/igryi-anglosaksov>.
- [4] *Dugin A.G.* Terakty «Pjatnicy 13» kak tochka otscheta // Geopolitika. 2015. URL: <http://www.geopolitics.by/analytics/aleksandr-dugin-terakty-pyatnicy-13-kak-tochka-otscheta#sthash.6tIpm0WU.dpuf>.
- [5] *Katasonov V.Ju.* Anglo-amerikanskije hozjaeva deneg kak organizatory Vtoroj mirovoj vojny / V. Katasonov // Fond strategicheskoy kul'tury. 2015. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2015/05/03/anglo-amerikanskije-hozjaeva-deneg-kak-organizatory-vtoroj-mirovoj-vojny-i-33098.html>.
- [6] *Katasonov V.Ju.* Pervaja mirovaja vojna i sovremennyj «jekonomicheskij autizm» // Russkij lad. 2015. URL: <http://forum-ruslad.ru/index.php/98-novosti/374-v-yu-katasonov-pervaya-mirovaya-vojna-i-sovremennyj-ekonomicheskij-autizm>.
- [7] *Kozhokin E.* Islamskaja revoljucija 21 veka // Izvestija. 2015. 14 marta. S.6.
- [8] *Loftus Dzh., Aarons M.* Tajnaja vojna protiv evreev // Hroniki Ierusalima. 2009. URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/secret/2.html#4>.
- [9] *Medinskij V., Starikov N.* Neoboronosposobnaja Rossija – mechta anglosaksov // Politikus.ru. 2013. URL: <http://politikus.ru/articles/9230-neoboronosposobnaya-rossiya-mechta-anglosaksov.html>.
- [10] *Mertens P.* Sem'ja Bush i nacistskaja Germanija // Left.ru. 2005. Rezhim dostupa: <http://left.ru/2005/8/mertens125-2.phtml>.
- [11] *Narochnickaja N.A.* Rossija i russkie v mirovoj istorii. M., 2003.
- [12] Proekt Rossija. Kniga 4. Bol'shaja ideja // Project03.ru. 2010. URL: <http://project03.ru/pr>.
- [13] *Satton Je.* Kak orden organizuet vojny i revoljucii // Daarija. 2005. URL: <http://vzv.by/books-sutton>.
- [14] *Satton Je.* Uoll-strit i bol'shevickaja revoljucija // Daarija. 1998. URL: <http://vzv.by/books-sutton>.
- [15] *Satton Je.* Uoll-strit i prihod Gitlera k vlasti. M., 2015.
- [16] *Starikov N.* Geopolitika: Kak jeto delaetsja. SPb., 2014.
- [17] *Starikov N.* Revoljucija, anglosaksy i Trockij. 2011. URL: <http://nstarikov.ru/blog/9386/comment-page-1>.
- [18] *Starikov N.* Rol' Anglii i SShA v organizacii revoljucij i perevorotov v Rossii // N. Starikov. 2013. URL: <http://nstarikov.ru/blog/34989?print=pdf>.
- [19] *Starikov N.* Stalin, vspominaem vmeste. M., 2013.

- [20] *Trockij L.D.* Permanentnaja revoljucija // Knigger. 1924. URL: <http://knigger.com/texts.php?bid=16516&page=88>.
- [21] *Chetverikova O.N.* Zakulisnaja predistorija vtoroj mirovoj vojny: ob otvetstvennosti Zapada // Fond strategicheskoy kul'tury. 2009. URL: <http://fondsk.ru/article.php?id=2320>.
- [22] *Chetverikova O.N.* 1 avgusta 1914 goda: vozmozhen li obratnyj hod rossijskoj istorii? // Fond strategicheskoy kul'tury. 2012. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/07/28/1-avgusta-1914-vozmozhen-li-obratnyj-hod-rossijskoj-istorii-i-15756.html>.
- [23] *Shambarov V.* Opasnaja istorija. Kto «zakazal» Rossiju revoljucioneram // Fajl-RF. 2012. URL: <http://file-rf.ru/analitics/750>.
- [24] America's Geopolitical Dilemmas / Canad. Intern. Council // Vimeo, Your Videos Belong Here. URL: <https://vimeo.com/11303942>.
- [25] *Bolton K.R.* Origins of the Cold War: How Stalin Foiled a 'New World Order'. Relevance for the Present // Foreign Policy J. 2010. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foild-a-new-world-order>.
- [26] *Brzezinski Z.* The Global Political Awakening // The New York Times. 2008. URL: http://www.nytimes.com/2008/12/16/opinion/16iht-YEbrzezinski.1.18730411.html?_r=0.
- [27] *Butten S.* The New World Order. Philadelphia, 1919.
- [28] *Cooper M.W.* Behold a Pale Horse // M.Cooper. 1991. URL: <http://www.whale.to/b/cooper.pdf>.
- [29] *Curtis L.* World Revolution in the Cause of Peace. New York, 1949.
- [30] Documents: Bush's Grandfather Directed Bank Tied to Man Who Funded Hitler // Fox News. 2003. URL: <http://www.foxnews.com/story/2003/10/17/documents-bush-grandfather-directed-bank-tied-to-man-who-funded-hitler.html>.
- [31] Gorbachev Proposes New Global Forum to Augment 'Lame UN' // Russia Today. 2014. URL: <http://rt.com/news/207787-gorbachev-program-stabilize-world>.
- [32] How the Bush Family Made its Fortune from the Nazis // Robert Lederman. 2000. URL: http://www.tetrahedron.org/articles/new_world_order/bush_nazis.html2002.
- [33] *King A., Schneide B.* The First Global Revolution. A Report by the Council of the Club of Rome // The Club of Rome. 1993. URL: http://www.geoengineeringwatch.org/documents/TheFirstGlobalRevolution_text.pdf.
- [34] *Marshall, A.G.* Are We Witnessing the Start of a Global Revolution? // Global Research. 2011. URL: <http://www.globalresearch.ca/are-we-witnessing-the-start-of-a-global-revolution/22963>.
- [35] *McFadden L.T.* [Speech in the House of Representatives, 10 June 1932] / L. T. McFadden // Alachua Freenet. URL: <http://www.afn.org/~govern/mcfaddengif.html>.
- [36] The Club of Rome // The Club of Rome. URL: <http://www.clubofrome.org/?p=199>.
- [37] The First Global Revolution: a rep. by the Council of the Club of Rome, 1991 // Internet Archive. 1991. URL: <https://archive.org/details/TheFirstGlobalRevolution>.
- [38] The World Revolution // worldrevolution.org. 2015. URL: <http://www.worldrevolution.org>.
- [39] *Thyssen F.* I paid Hitler. New York, 1941.

SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF NEW WORLD ORDER PARADIGM: CONCEPTUAL ANALYSIS

Aleksandr A. Plashchinsky

Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus
“International University “MITSO”

Kazinets St., 21, Minsk, Belarus, 220099

The article contains conceptual analysis of the new world order paradigm as well as one of its key doctrinal basis that is the doctrine of world revolution. Social and political aspects of the crisis of U.S. hegemony are touched upon. The given data of social studies testify the rise of isolationists' approaches among the American society. The alternative to Pax Americana has been suggested.

Key words: social and political movements, the U.S., new world order paradigm, world revolution doctrine, global revolution

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-40-56

РЕЙТИНГ И БРЕНД ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.Н. Ефимова, А.В. Маковейчук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена анализу факторов и причин, оказывающих влияние на процесс принятия решения о выборе того или иного высшего учебного заведения и оценке влияния роли рейтинговых позиций университетов, как в общих рейтингах, так и по отраслям. Актуальность темы объясняется тем, что вопрос мотивации, по существу, является вопросом о качестве учебной деятельности, успешности социально-психологической адаптации студента к условиям обучения в вузе, эффективности профессиональной подготовки будущего специалиста.

По итогам проведенного исследования определены ключевые факторы и критерии, определяющие доминантное влияние на мотивацию выбора абитуриентами вуза для обучения, а также наиболее популярные источники информации о вузе в абитуриентской среде и влияние рейтинга и бренда вуза на процесс принятия решения о выборе вуза. Подвергается анализу влияние роли рейтинговых позиций и бренда университета на психологические аспекты мотивации абитуриентов при выборе места обучения.

В качестве эмпирической базы в статье раскрываются некоторые положения и результаты социологического исследования, проведенного в Университете Лобачевского в период летней приемной кампании 2016 г. и сравниваются полученные показатели с результатами аналогичного исследования лета 2015 г.

Ключевые слова: международный рекрутинг, мотивация, профессионально-ориентированный выбор, менеджмент качества образования, бренд, рейтинги

В условиях глобализации системы высшего образования конкуренция между вузами становится жестче. Сильный вуз на мировой арене, помимо обеспечения высококлассного уровня образования и научно-исследовательской деятельности, должен иметь репутацию лидера в научно-образовательной среде и высокий рейтинг.

Одним из обязательных требований при оценке деятельности вуза является наличие системы менеджмента качества внутри вуза. Одним из главных

принципов менеджмента качества образования является ориентация на потребителя. Мнение абитуриентов имеет существенное значение при оценке качества деятельности того или иного вуза.

Оценка деятельности профессорско-преподавательского состава, в особенности в части работы со школами и абитуриентами, служит индикатором для корректировки управленческих стратегий высшего учебного заведения, посвященных рекрутингу потенциальных студентов вуза, внедрения новых образовательных программ и технологий обучения, отвечающих мировым образовательным стандартам.

Сегодня в сфере высшего образования в России наблюдается высокая конкуренция между вузами, как государственными, так и негосударственными, в борьбе за абитуриентов, особенно талантливых. Немаловажным является и тот факт, что значительный сегмент образования в России представляют платные образовательные услуги, и это серьезный многомиллионный рынок. Поэтому проведение социологических и маркетинговых исследований в данной сфере необходимо в целях изучения образовательных интересов потенциальных потребителей.

Исследование мотивации профессионального выбора и системы ценностных ориентаций потенциальных студентов вуза является инструментом для определения изменений, происходящих в отношении перспектив получения высшего образования. На образование оказывают существенное влияние глобализационные процессы, что в том числе и на систему высшего образования в России. Здесь и активное развитие международных коллабораций, и трансфер ученых-исследователей с их научными проектами, и вопросы международных рейтингов вузов, которые могут работать в качестве рекламы того или иного вуза в качестве выбора его для обучения иностранными абитуриентами. Поэтому особое внимание сегодня в реализации стратегий развития вузов должно быть уделено определению целей, которые преследуют в отношении получения высшего образования потенциальные потребители образовательных услуг вуза, в том числе и иностранные, так как в условиях глобализации образование становится международным институтом и представляет собой непрерывный процесс, обеспечивающий профессиональный рост личности в течение всей жизни.

И здесь одну из важных ролей играет рейтинг вуза. Рейтинги вузов сегодня являются мощным маркетинговым инструментом, позволяющим привлекать талантливых студентов и преподавателей, находить инвесторов, партнеров, благодаря чему реализовывать новые научно-исследовательские проекты и т.д. Рейтинг вуза складывается в том числе и благодаря мнению о вузе в широких группах общественности, одной из ключевых здесь являются абитуриенты.

В настоящее время спрос на образовательные услуги достаточно велик. В связи с изменением социально-экономической обстановки в стране меняет-

ся спрос со стороны работодателей, к чему должны быть достаточно чувствительны вузы в целях сохранения высокого качества образования, отвечающего современным реалиям, особенно это актуально в естественнонаучной сфере и инженерных отраслях. На это обращают внимание и потенциальные студенты вузов. То, что было для них важно сегодня, завтра может оказаться уже совершенно незначимым фактом. Поэтому необходимо в борьбе за потенциального студента четко отслеживать все тенденции, связанные с мотивацией абитуриентов, предлагать новые формы и методики обучения, своевременно адаптироваться к происходящим в этой сфере изменениям. Таким образом, определение мотивации абитуриентов позволяет определять факторы и критерии, оказывающие определяющее влияние на их выбор вуза.

I. Постановка цели и определение задач исследования

1. Цель: определение причин и факторов, влияющих на выбор абитуриентами вуза, ключевых источников информации о вузе в абитуриентской среде, а также исследование влияния бренда вуза и его рейтинга при поступлении.

2. Задачи:

1) Определить и проанализировать причины, по которым абитуриенты хотят получить высшее образование.

2) Выявить наиболее популярные источники информации, используемые абитуриентами для получения информации о вузе.

3) Определить факторы, влияющие на выбор абитуриентами конкретного вуза.

4) Установить степень влияния рейтингов вузов на мотивацию абитуриентов при выборе вуза.

5) Определить наиболее востребованную область знаний среди абитуриентов.

3. Объект исследования: абитуриенты 2016 г. Университета Лобачевского, г. Нижний Новгород

4. Предмет исследования: характеристики, предпочтения абитуриентов, факторы и причины, источники получения необходимой информации, влияющие на выбор вуза

II. Обоснование метода сбора данных

При исследовании мотивации абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского г. Нижнего Новгорода был выбран такой метод сбора данных, как опрос (анкетирование).

Анкета представляет собой методическое средство для получения первичной социологической и социально-психологической информации, оформляемое в виде набора вопросов, логически связанных с центральной задачей исследования.

Анкетирование является достаточно эффективным, наглядным и самым распространенным механизмом мониторинга удовлетворенности потребителей об-

разовательного процесса, коими становятся абитуриенты, способствует повышению степени ориентированности на потребителя высшего образования.

III. Разработка рабочего инструментария. Обоснование вопросов

Анкета, разработанная для исследования мотивации абитуриентов, состоит из следующих частей: введения и основной части. Задача введения – кратко и в доступной форме объяснить цель исследования, убедить респондентов принять участие в опросе путем подчеркивания важности их участия в нем, анонимности опроса и заранее выразить благодарность за содействие. Основная часть является самой важной для интервьюера, она раскрывает тему исследования, служит источником для получения всей необходимой от респондента информации для проведения исследования и формулировки достоверных результатов по итогам.

IV. Обоснование выборки

Генеральной совокупностью в нашем исследовании является численность абитуриентов, подавших заявления в ННГУ им. Н.И. Лобачевского с 20 июня по 20 июля 2016 года: 11106 человек. Рассчитаем величину выборки с помощью традиционного статистического метода:

$$n = \frac{t^2 * d^2 * N}{t^2 * d^2 + \Delta^2 * N},$$

где N – объем генеральной совокупности; d – дисперсия изучаемого признака; Δ – заданная предельная ошибка выборки; t – коэффициент доверия.

$$n = \frac{3^2 * 1^2 * 11106}{3^2 * 1^2 + 0.1^2 * 11106} = \frac{99954}{120} \approx 833 \text{ человека}$$

Таким образом, репрезентативность выборки должна быть достигнута посредством опроса 833 абитуриентов. В рамках данного исследования было опрошено 1297 респондентов, что удовлетворяет требованиям репрезентативности.

V. Обработка результатов исследования

В проведенном опросе участвовало 1297 респондентов, из которых 418 человек (32,23%) – молодые люди и 879 человек (67,77%) – девушки, что графически представлено на диаграмме (рис. 1).

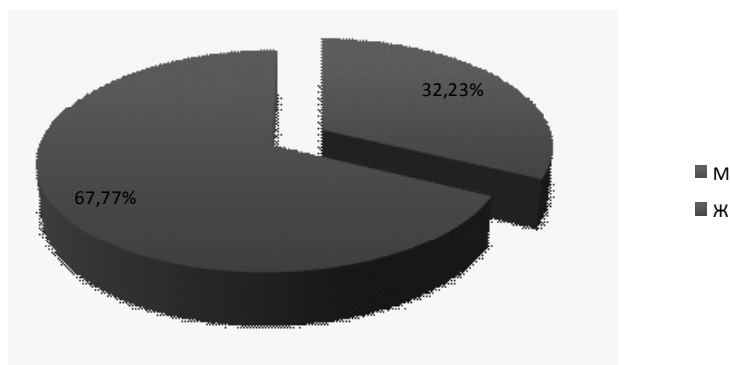

Рис. 1. Распределение респондентов по половому признаку

Относительно причин, влияющих на получение высшего образования в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в результате анализа получаем следующие данные, которые покажем в обобщенном виде на диаграмме (рис. 2).

Рис. 2. Дифференциация причин получения высшего образования

Таким образом, практически половина респондентов хотят реализовать себя в интересной профессии – 49,04%; 26,17% считают, что наличие высшего образования – это залог высокого статуса в обществе, а 21,57% абитуриентов считают, что высшее образование дает возможность познакомиться с людьми и приобрести связи, которые помогут им в жизни.

Для правильного выбора учебного заведения абитуриентам необходимо изучать максимально полную, прозрачную, качественную и достоверную ин-

формацию об интересующих вузах, направлениях подготовки, стоимости обучения и т.д.

Источников информации в настоящее время достаточное количество, рассмотрим в связи с этим, какие же из них наиболее популярны среди абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского и представим это на диаграмме (рис. 3).

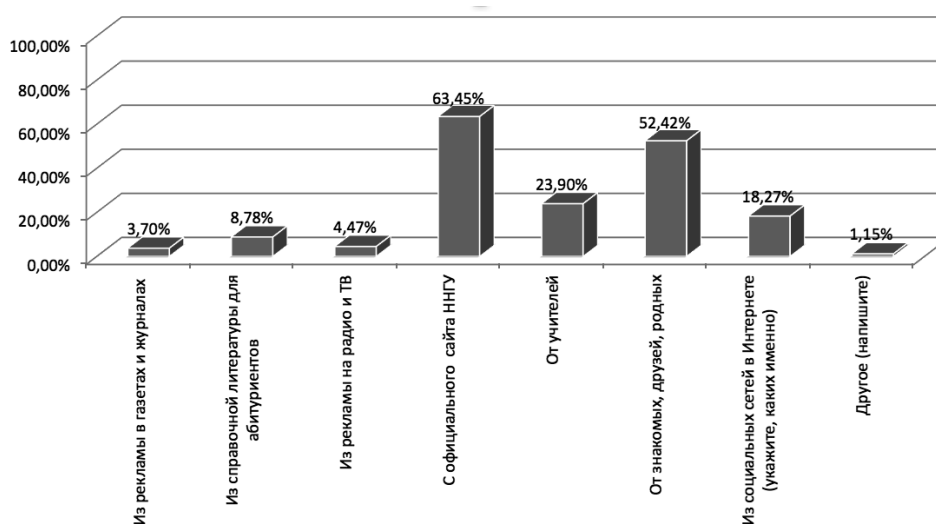

Рис. 3. Рейтинг популярности источников информации среди абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Анализ полученной диаграммы показывает (при нескольких вариантах ответов), что наиболее популярным источником информации является официальный сайт ННГУ, ему отдали предпочтение 63,45% респондентов, 52,42% респондентов отдали свое предпочтение информации, полученной от знакомых, друзей, родных, 23,9% респондентов отдали предпочтение информации, полученной от учителей, и далее по убыванию значимости:

- из социальных сетей в Интернете – 18,27%;
- из справочной литературы для абитуриентов – 8,78%;
- из рекламы на радио и ТВ – 4,47%;
- из рекламы в газетах и журналах – 3,7%.

В 2015 г. самыми популярными источниками информации об Университете Лобачевского также являлись официальный сайт ННГУ им. Н.И. Лобачевского – 62,9%; знакомые, друзья, родные – 40,14% и учителя – 19,5%. С помощью сравнительного анализа 2016 г. был выявлен рост числа абитуриентов, получивших информацию об Университете от окружающих людей (знакомые, друзья, родные). Остальные источники информации сохранили свои позиции в этом рейтинге по сравнению с прошлым, 2015-м г.

В настоящее время в условиях острой конкуренции возрастает роль рекламной деятельности, отражающей позицию вузов и формирующей в сознании потребителей образовательных услуг образ и имидж высшего учебного заведения. К сожалению, низкий процент абитуриентов, которых привлекла реклама вуза, говорит о малоэффективной рекламной деятельности (проведение конференций, семинаров, «дней открытых дверей» и т.д.), которая в целом проводится в вузах.

В ходе анализа также было выяснено, какими критериями руководствуются абитуриенты при выборе вуза. Респонденты отметили цифрами по шкале от 1 до 10 значимость предложенных критериев, где 1 – наиболее значимый критерий, а 10 – наименее. Ниже представлены результаты в форме диаграмм по четырем наиболее значимым, по мнению респондентов, критериям.

Результаты анализа критерия влияния местонахождения вуза представим графически на диаграмме (рис. 4).

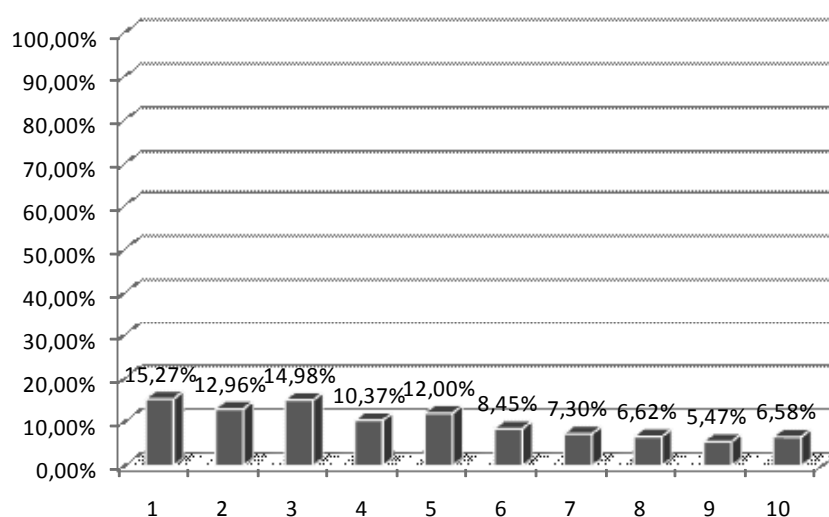

Рис. 4. Местонахождение вуза

Анализ данного критерия показывает, что для 43,21% (суммируются первые три показателя по степени значимости) респондентов абитуриентов местонахождение вуза является важным параметром, для 18,67% место расположения вуза не влияет на их мотивацию (по сумме трех последних по значимости показателей).

Результаты анализа возможности бесплатного обучения представим на диаграмме (рис. 5).

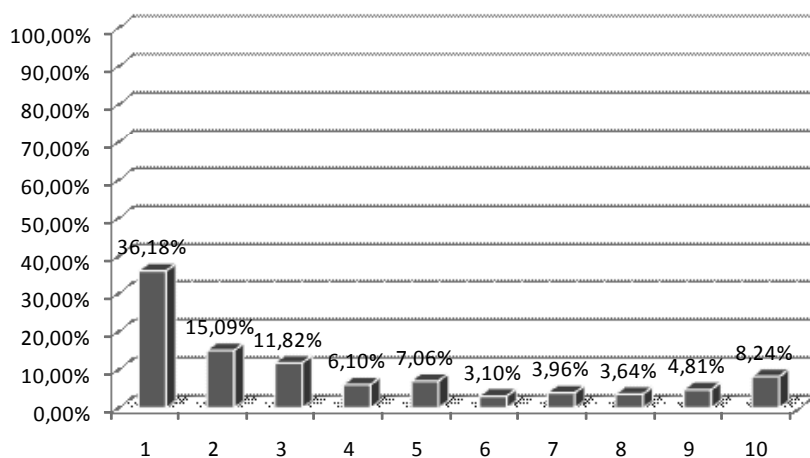

Рис. 5. Возможность бесплатного обучения

При исследовании данного критерия следует обратить внимание на тот факт, что больше одной трети респондентов (по сумме трех первых значений шкалы 63,09%) считают наличие возможности бесплатного обучения значимым критерием при выборе вуза, 16,69% респондентов отмечают, что данный критерий не влияет на их выбор.

Далее рассмотрим, проведем и представим результаты анализа критерия, характеризующего наличие места в рейтинге вузов, данные представим графически на диаграмме (рис. 6)

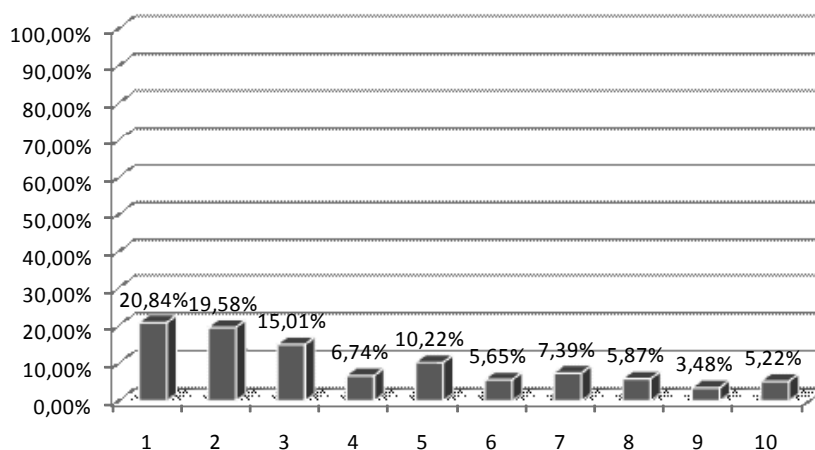

Рис. 6. Место вуза в различных рейтингах

Анализ вышеуказанного критерия показывает, что для большей половины респондентов абитуриентов (55,43% по сумме первых трех показателей шкалы) важен рейтинг вуза и его место в различных рейтингах, и 14,57% респондентов отметили, что этот показатель не влияет на их выбор.

Далее представим результаты анализа критерия по наличию материально-технической базы, современных аудиторий и лабораторий, кампуса в вузе в целом на диаграмме (рис. 7).

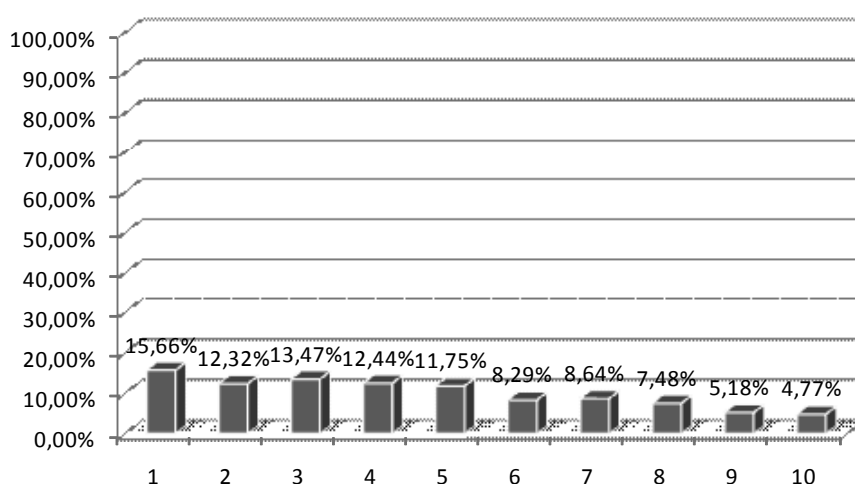

Рис. 7. Материально-техническая база, современные аудитории и лаборатории, кампус в целом

В результате анализа данного критерия отмечаем, что материально-техническая база, современные аудитории и лаборатории, кампус в целом не являются самым приоритетным критерием при выборе вуза, однако данный критерий занимает 3 место (15,66% опрошенных в своих ответах выбрали наивысшую оценку по данному критерию), что наглядно представлено на рис. 7.

Также в ходе анализа были выявлены причины, влияющие на выбор абитуриентами конкретного вуза. Обобщенные данные анализа представлены на диаграмме (рис. 8).

Анализ данной диаграммы показывает, что основные причины при выборе вуза сохраняются, как и в 2015 г. При равных условиях, основная часть абитуриентов в качестве основной причины при выборе вуза руководствуется советом друзей, знакомых – 36,46% (в 2015 г. – 27,86%); информацией от представителей вуза (дни открытых дверей и др.) – 36,31%, в 2015 г. – 33,79% и 35,15% советом родителей против 33,66% в 2015 г. (учитывая факт выбора нескольких вариантов ответа). Следующую позицию занимает реклама вуза – 8,09%, что ниже, чем показатель 2015 г. – 15,45% и замыкает показатель по

сещения подготовительных курсов – 4,85%, что так же ниже показателя 2015 г. – 6,9%.

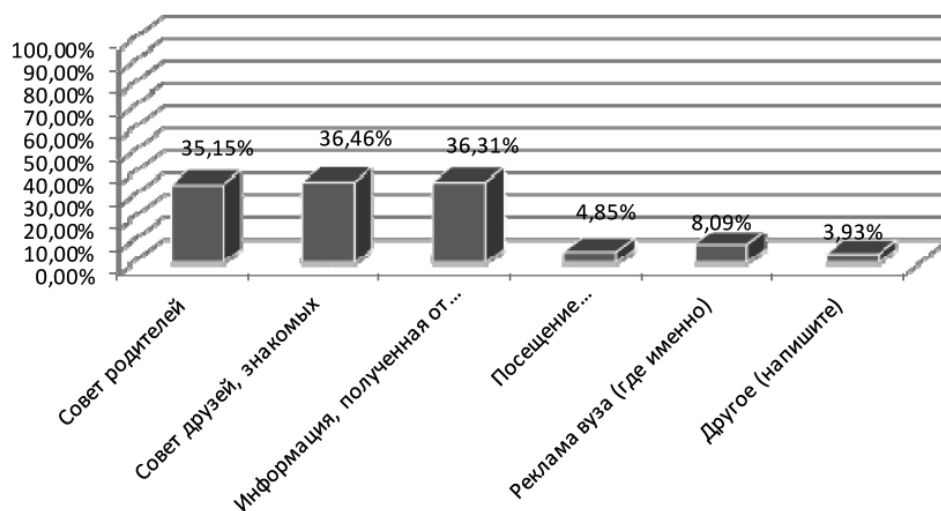

Рис. 8. Причины, влияющие на выбор абитуриентов при поступлении в вуз

Далее был проведен анализ информированности абитуриентов о существовании российских и мировых рейтингов Вузов. Данные анализа распределились следующим образом и представлены на диаграмме (рис. 9)

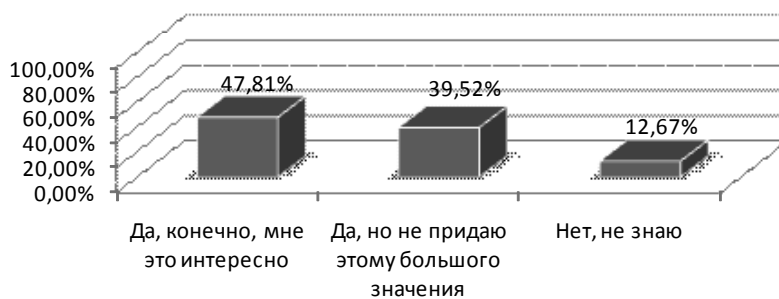

Рис. 9. Информированность абитуриентов о российских и мировых рейтингах Вузов

Как мы можем видеть из представленной выше диаграммы, 47,81% опрошенных знают о рейтингах вузов и считают это важным показателем в мотивации абитуриентов по сравнению с 2015 г. – 37,93%; 39,52% респондентов знают о рейтингах вузов, но не придают этому большое значение, в 2015 году этот показатель составлял 44,83%, и 12,67% впервые слышат о рейтингах вузов (в 2015 г. – 17,59%). Общий анализ данного критерия показывает увеличение числа абитуриентов, которые все больше обращают внимание на рейтинги

вузов при выборе места обучения. Но, несмотря на это, необходимо все больше и больше доводить информацию о рейтингах вузов школьникам, будущим абитуриентам, чтобы они могли увидеть, где находится тот вуз, в который они собираются поступать.

Далее проанализируем, какие рейтинги вузов вообще знают абитуриенты. Данные отобразим на диаграмме (рис. 10).

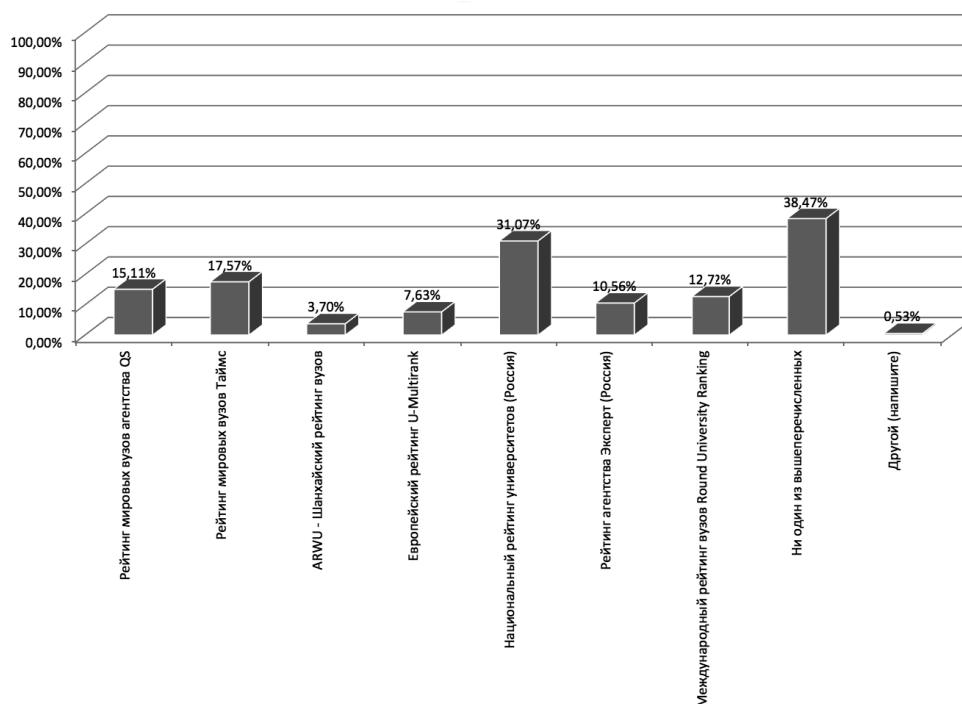

Рис. 10. Информированность абитуриентов о видах рейтингов

Согласно результатам проведенного анализа, отображенным на диаграмме (рис. 10), Национальный рейтинг университетов (Россия) является наиболее известным для респондентов. В этом году число абитуриентов, знающих об этом рейтинге, составило 31,07%, что коррелируется со значением 2015 г. – 31,17%. Далее идет рейтинг мировых вузов Таймс, который известен 17,58% респондентов, в противовес 12,82% в 2015 г., что говорит об осведомленности и увеличении значимости данного рейтинга для абитуриентов. Следующим по значимости выступает рейтинг мировых вузов агентства QS согласно результатам опроса – 15,11%, потеряв свои позиции в сравнении с 2015 г. в два раза – 32,82%.

Международный рейтинг вузов RUR является новым рейтингом вузов на мировой арене и известен уже 12,72% опрошенных; Рейтинг агентства Эксперт (Россия) интересен 10,56% респондентов, улучшив свои позиции в два раза по сравнению с 2015 г. – 4,68%. Европейский рейтинг Multirank оценива-

ют 7,63% респондентов, который также улучшил свои позиции по сравнению с 2015 г. – 4,55%. ARWU Шанхайский рейтинг вузов знают 3,7% абитуриентов 2016 г., в 2015 г. – 2,2%. Какой-либо другой рейтинг вузов, не входящий в список вышеперечисленных, отмечают 0,54% респондентов по сравнению с 1,24% в 2015 г. И в заключение отметим показатель, который все же сохраняет динамику, что ни один из вышеперечисленных рейтингов, к сожалению, не знает 38,47% респондентов (32,82% в 2015 г.).

Далее проведем анализ, какой рейтинг вуза – общий или предметный (по отдельным направлениям подготовки) является для абитуриентов более значимым при выборе высшего учебного заведения. Результаты представим в виде диаграммы (рис. 11).

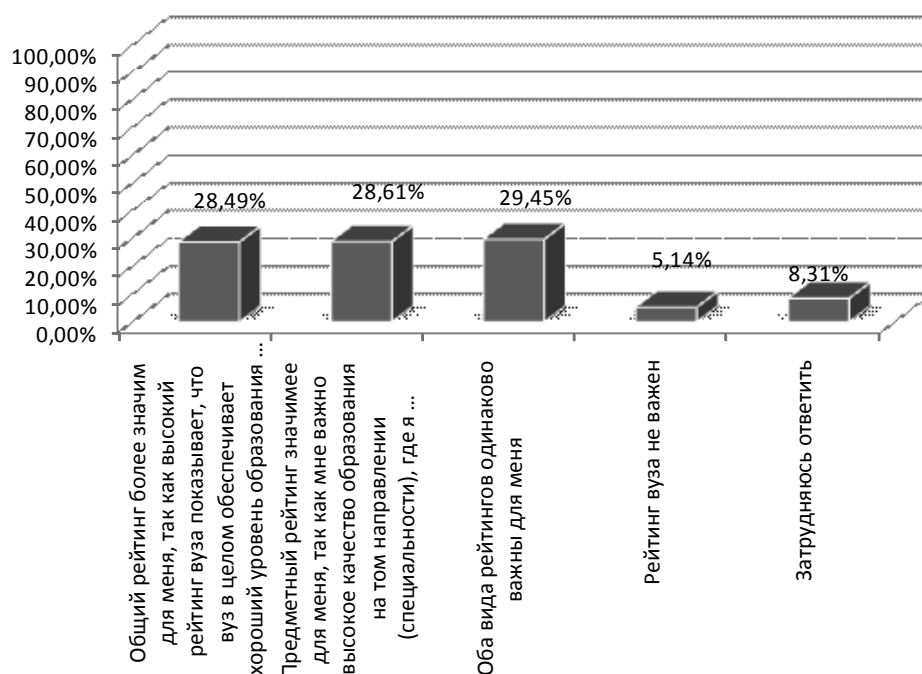

Рис. 11. Роль вида рейтинга при выборе вуза

Исходя из наглядных результатов опроса, видно, что 28,49% респондентов считают, что общий рейтинг более значим для них, так как высокий рейтинг вузов показывает, что вуз в целом обеспечивает хороший уровень образования для успешной карьеры. 28,61% считают предметный рейтинг более значимым, поскольку абитуриенту важно высокое качество образования именно на том направлении (специальности), где они обучаются и планируют реализоваться в дальнейшем. 29,45% отмечают важность обоих рейтингов для поступающих, и только для 5,14% респондентов рейтинг вуза вообще не важен.

Обратимся теперь к анализу критерия касаясь предпочтительной для респондентов области знаний, в которой они хотели бы обучаться. Данные анализа, полученные в результате опроса, приведем на диаграмме (рис. 12).

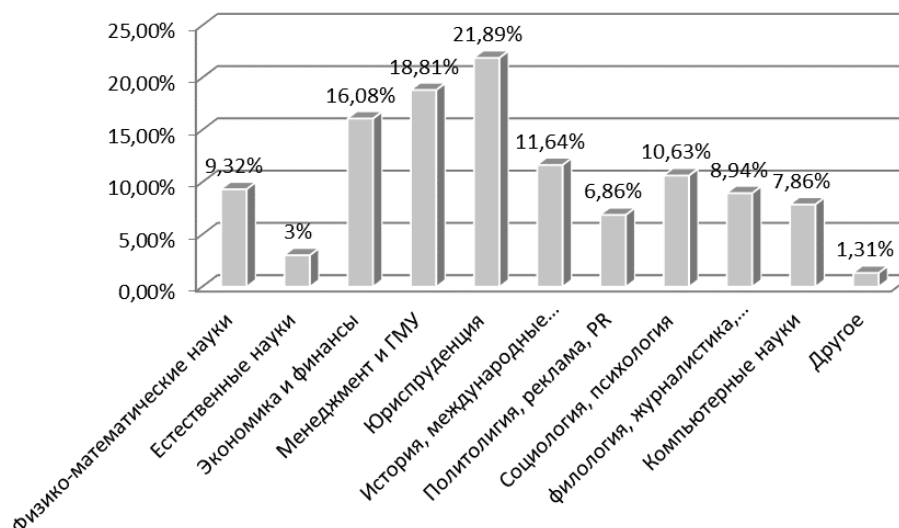

Рис. 12. Область знаний, в которой хотят обучаться абитуриенты

Самым востребованным направлением у респондентов видим юриспруденцию, 21,89% хотел бы обучаться на данном направлении, показатель вырос на 7,69% в сравнении с 2015 г. – 14,2%.

Также востребованными направлениями 2016 г. стали направления менеджмента и ГМУ, его выбрали 18,81% (в 2015 г. – 17,65%, где направление подготовки занимало вторую позицию по востребованности) и экономика и финансы со значением 16,08%, потеряв позиции лидера 2015 г. на 13,71% (в 2015 г. – 29,79%).

Далее следует мнение 11,64% респондентов, которые выбрали историю и международные отношения (в 2015 г. – 9,79%), затем социологию и психологию выбрали 10,63% респондентов (в 2015 г. – 10,62%).

Несмотря на необходимость государства в специалистах области физико-математических наук, число абитуриентов, поступающих на данную специальность, составляет 9,32%, что говорит о снижении на 4,83% в сравнении с 2015 годом – 14,62%.

8,94% респондентов выбрали филологию и журналистику в противовес 7,44% в 2015 г.

Компьютерные науки выбрали 7,86% респондентов, что на 3,86% меньше в сравнении с 2015 годом – 11,72%.

Политологию, PR и рекламу выбрали 6,86% респондентов, что коррелируется с 6,48% в 2015 г.

И по сравнению с 2015 г. (10,57%) заметно снизилось число поступающих на направления подготовки в области естественных наук – 3,0% (биология, химия, экология) – на 7,57%.

В результате по итогам данного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Половина респондентов хотят реализовать себя в интересной профессии – 49,04%; 26,17% считают, что наличие высшего образования – это залог высокого статуса в обществе, а 21,57% абитуриентов считают, что высшее образование дает возможность познакомиться с людьми и приобрести связи, которые помогут им в жизни.

2. Важнейшими критериями при выборе вуза были названы: возможность бесплатного обучения – 63,09%; место вуза в различных рейтингах – 55,37% и местонахождение вуза – 43,21%. Стоит заметить, что согласно результатам анкетирования 2015 г., основные три причины выбора вуза остались неизменными.

3. Официальный сайт ННГУ, ему отдали предпочтение 63,45% респондентов, предпочтение информации, полученной от знакомых, друзей, родных, – 52,42% и предпочтение информации, полученной от учителей, – 23,9% – наиболее популярные источники информации для абитуриентов, на качество и полноту информации которых вузам стоит обращать более пристальное внимание с целью обеспечения максимальной осведомленности абитуриентов. Выявлен рост числа абитуриентов, получивших информацию об университете от окружающих людей (знакомые, друзья, родные). Остальные источники информации сохранили свои позиции в этом рейтинге по сравнению с прошлым, 2015-м г.

4. Абитуриенты руководствуются при выборе вуза советом друзей, знакомых – 36,46% (в 2015 г. – 27,86%); информацией от представителей вуза (дни открытых дверей и др.) – 36,31%, в 2015 г. – 33,79% и 35,15% – советом родителей против 33,66% в 2015 г.

5. 47,81% опрошенных знают о рейтингах вузов в целом и считают это важным показателем в мотивации абитуриентов, показатель вырос практически на 10% по сравнению с 2015 г. – 37,93%; 39,52% респондентов знают о рейтингах вузов, но не придают этому большое значение, в 2015 г. этот показатель составлял 44,83%, и 12,67% впервые слышат о рейтингах вузов (в 2015 году – 17,59%). Это показывает увеличение числа абитуриентов, которые все больше обращают внимание на рейтинги вузов при выборе места обучения. Но, несмотря на это, необходимо все больше и больше доводить информацию о рейтингах вузов школьникам, будущим абитуриентам, чтобы они могли увидеть, где находится тот вуз, в который они собираются поступать.

6. Национальный рейтинг университетов (Россия) является наиболее известным для респондентов – 31,07%, что коррелируется со значением 2015 г. – 31,17%. Далее идет рейтинг мировых вузов Таймс, который известен 17,58%

респондентов, в противовес 12,82% в 2015 г., что говорит об осведомленности и увеличении значимости данного рейтинга для абитуриентов. Следующим по значимости выступает рейтинг мировых вузов агентства QS согласно результатам опроса – 15,11%, потеряв свои позиции в сравнении с 2015 г. в два раза – 32,82%. Международный рейтинг вузов RUR является новым рейтингом вузов на мировой арене и известен уже 12,72% опрошенных.

7. 28,49% респондентов считают, что общий рейтинг более значим для них, так как высокий рейтинг вузов показывает, что вуз в целом обеспечивает хороший уровень образования для успешной карьеры. 28,61% считают предметный рейтинг более значимым, поскольку абитуриенту важно высокое качество образования именно на том направлении (специальности), где они обучаются и планируют реализоваться в дальнейшем. 29,45% отмечают важность обоих рейтингов для поступающих, и только для 5,14% респондентов рейтинг вуза вообще не важен.

8. Самыми востребованными направлениями у респондентов стали: юриспруденция – 21,89%, что на 7,69% больше по сравнению с результатами 2015 г. – 14,2%; менеджмент и ГМУ – 18,81% (в 2015 г. – 17,65%, где направление подготовки занимало вторую позицию по востребованности) и экономика и финансы – 16,08%, потеряв позиции лидера 2015 г. на 13,71% (в 2015 г. – 29,79%), несмотря на то, что в настоящее время по данным направлениям наблюдается избыток в специалистах. Такая тенденция в выборе специальностей наблюдается, согласно проводимым исследованиям, уже третий год.

9. При информировании абитуриентов нужно делать акцент на низкой стоимости обучения, различных привилегиях для обучающихся на платной основе (материальная помощь по различным категориям, именная стипендия и т.д.), предоставление койко-места в общежитии для иногородних студентов (в том числе о минимальной стоимости проживания в общежитии). А также о широких возможностях, которые предоставляет ННГУ во внеучебной деятельности.

Проведенное исследование наглядно иллюстрирует текущее состояние информационного обеспечения абитуриентов, критерии выбора учебного заведения, определяет степень влияния различных факторов на абитуриентов и многие другие показатели, рассмотренные в исследовании [1. С. 121].

Результаты позволят разработать дальнейшую стратегию развития вуза в области работы с абитуриентами с учетом современных тенденций рынка образовательных услуг и в целях укрепления рейтинга и бренда университета. Рейтинги вузов становятся новыми маркетинговыми инструментами, новой тенденцией в рамках образовательной политики государств, в частности России, направленной на повышение конкурентоспособности российских вузов и качества российского образования [2. С. 157].

Система образования является ведущим социальным институтом, который создает и воспроизводит интеллектуальный потенциал общества, причем исходной точкой, катализатором функционирования системы образования является высшая школа. И одной из важнейших частей деятельности вузов является взаимодействие абитуриентов, будущих студентов и преподавателей, главных действующих лиц в сфере высшего образования. Именно процесс взаимодействия между ними определяет качественные и количественные характеристики интеллектуального потенциала общества, его человеческих ресурсов, которым в последнее время в нашей стране уделяется все больше внимания [3. С. 24].

Важность изучения социально-профессиональных ориентаций абитуриентов связана с выявлением цели обучения в вузе и основных причин, по которым студенты выбирают именно данное учебное заведение. Выбор вуза выпускниками школ является не только выбором места для обучения, но и выбором профессионального самоопределения, признания приоритета определенного образа жизни.

© Ефимова И.Н., Маковейчук А.В., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ефимова И.Н., Маковейчук А.В.* Траектории развития рынка образовательных услуг в условиях глобализации высшего образования и реализации новой государственной образовательной политики в России: прикладной аспект // Вопросы управления // Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС). Екатеринбург, 2015. № 3. С. 115–121.
- [2] *Ефимова И.Н., Маковейчук А.В.* Анализ рынка образовательных услуг и новые тренды в государственной образовательной политике современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Москва, 2015. № 4. С. 149–158.
- [3] *Пугач В.Ф.* Студенчество и преподавательский состав вузов России в конце XX в. // Дисс. на соискание степени доктора социологических наук. Москва, 2001. 339 с.

REFERENCES

- [1] *Efimova I.N., Makoveychuk A.V.* Traektorii razvitiya rynka obrazovatel'nyh uslug v usloviyah globalizacii vysshego obrazovaniya i realizacii novoj gosudarstvennoj obrazovatel'noj politiki v Rossii: prikladnoj aspekt // Voprosy upravlenija // Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Rossijskaja akademiya narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii» (RANHiGS). Ekaterinburg, 2015. № 3. S. 115–121 [Market development pathway of edu-

- cation services in conditions of higher education globalization and new public education policy implementation in Russia: action-oriented aspect].
- [2] *Efimova I.N., Makoveychuk A.V.* Analiz rynka obrazovatel'nyh uslug i novye trendy v gosudarstvennoj obrazovatel'noj politike sovremennoj Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija. Moskva, 2015. № 4. S. 149–158 [The tdu-cational services market and new trends in the state educational policy in contemporary Russia].
- [3] *Pugach V.F.* Studenchestvo i prepodavatel'skij sostav vuzov Rossii v konce XX v. // Diss. na soiskanie stepeni doktora sociologicheskikh nauk. Moskva, 2001. 339 s. [Students and teaching staff of the universities in Russia at the end of the XX century].

UNIVERSITY RANKINGS AND BRAND AS TOOLS OF POLICY IMPLEMENTATION OF QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Irina N. Efimova, Artem V. Makoveychuk

Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod
Nizhnii Novgorod, Russia

Article is devoted to the analysis of the factors and causes that have a influence on the decision making process of choosing a higher education institution and assessing the impact of the role of universities ranking positions in the general rankings, and by subject areas. Relevance of the topic due to the fact that the question of motivation, in essence, is the question of the quality of training activities, the success of social and psychological adaptation of students to training conditions in high school, the effectiveness of the training of the future specialist.

As a result of conducted survey it were identified key factors and criteria that determine the dominant influence to the motivation of choice of entrants as well as the most popular sources of information about the university in entrants environment and the impact of university rankings and brand to decision-making on the choice of university. It is analyzed the impact of the role of ranking products and brand of universities in the psychological aspects of motivation of students when choosing a place of learning.

As an empirical basis in the article reveals some of the provisions and the results of sociological research, conducted in the Lobachevsky University during the summer admission campaign 2016 compared with the figures obtained from the results of the same research in 2015.

Key words: international recruitment, motivation, professional-oriented choice, the quality of education management, brand, rankings

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-57-76

**ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ
(PUBLIC & BUSINESS ADMINISTRATION)**

М.А. Игнацкая

Статья представляет собой вторую часть исследования, начало которого было опубликовано в предыдущем номере журнала [2]. В статье описываются и анализируются специфика и проблемы реализации оптимальных форм развития системы российского ДПО в сфере управления с учетом прогрессивного опыта передовых зарубежных стран. Характеризуются зарубежные системы подготовки педагогов-андрагогов для работы в сфере ДПО взрослых и накопленный опыт их развития, а также анализируются проблемы и показываются перспективы развития российского ДПО (в) в сфере управления с учетом указанного зарубежного опыта.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование взрослых (ДПО (в)), преподаватель системы ДПО (в), система непрерывного профессионального образования, зарубежные системы и модели ДПО (в)

**Система подготовки педагогов
(профессорско-преподавательского состава – ППС)
для работы в сфере ДПО взрослых за рубежом**

Особое место в прогрессивном опыте зарубежных стран в области развития системы ДПО (в) безусловно принадлежит отработанной структуре подготовки педагогов-андрагогов, профессионально преподающих взрослой аудитории. Сравнение разных национальных систем подготовки ППС для ДПО (в) в развитых странах отражает следующие объективные тренды и обусловленные ими требования к педагогу с правом преподавания взрослой профессиональной аудитории, а именно:

- усиление внимания государства и общества в целом к проблемам обеспечения высокого качества подготовки ППС для ДПО (в);
- перманентное реформирование (доводка) систем подготовки ППС в целях создания единой системы подготовки;
- повсеместное применение современных мультимедийных технологий и сети Интернет для оценки качества подготовки.

Поскольку становление и опыт развития системы подготовки ППС во многих развитых странах насчитывает многие десятилетия, то она четко структурирована, максимально функциональна и обладает многообразием организационных форм. Именно поэтому, на наш взгляд, самого пристального внимания заслуживает международный опыт, накопленный в целом за рубежом, и в частности в Великобритании как обладающий максимальной эффективностью в области специальной профессиональной подготовки ППС для ДПО взрослых. Еще раз подчеркнем, что опыт этой страны ценен именно своей продуктивностью; здесь имеются крупные достижения в анализируемой сфере деятельности, а сама система подготовки ППС функционирует наиболее успешно и при этом постоянно совершенствуется [6. С. 150–154].

В характеризуемой системе преподаватель – это, в первую очередь, педагог, который работает в сфере постпервоначального образования и реализует процессы обучения взрослых на основе профессионально-ориентированных образовательных программ продвинутого уровня. Кроме того, такой педагог в обязательном порядке учитывает потребности, интересы и возрастные особенности слушателей, их жизненный опыт, мотивацию на обучение, совмещение работы с обучением и наличие основного образования. Такой педагог строит всю систему обучения на основе современных интерактивных образовательных технологий в целом и на кейс-методе, в частности, как на педагогических технологиях и методиках, развивающих личность слушателей и раздвигающих границы их традиционного управленческого мышления [4; 5]. Именно Великобритании удалось разработать и реализовать достойную систему подготовки ППС для ДПО и, главное, на наш взгляд, систему контроля качества их работы.

Выделение нами именно британского опыта и традиций основано на том, что британская система полностью удовлетворяет следующим главным мировым трендам и стандартам в области непрерывного образования и ДПО:

- усилению централизации и государственного контроля в целях повышения качества предоставляемого образования;
- росту роли ИКТ при постоянном поиске новых форм их применения в образовательном процессе;
- реформированию образовательной системы на основе разработки и постоянного совершенствования национальных стандартов подготовки, сертификации и повышения квалификации преподавателей ДПО;
- переходу от так называемой пассивной модели передачи ЗУНов к конструктивной на базе контактной педагогики, в рамках которой обучающиеся могут самостоятельно определять свою образовательную траекторию, приобретают навыки критического мышления и принятия оперативных и одновременно стратегически выверенных управленческих решений;
- определению качества и эффективности образовательной модели, которое производится на основе учета результатов обучения.

Качественно новый уровень подготовки педагогов-андрагогов для ДПО в Великобритании был задан образовательными реформами 2001-го и 2007–2008-го гг. [12; 8; 9; 11]. Результатом стало создание Устава Англии по квалификациям преподавателей дальнейшего образования для взрослых с его главной функцией регулирования работы, подготовки и повышения квалификации ППС в сфере ДПО. Устав обеспечивает контроль подготовки педагогов со стороны государства, а также регламентирует дальнейшее совершенствование и повышение квалификации корпуса педагогов. В соответствии с Уставом существуют два статуса ППС для ДПО взрослых – так называемый начинающий и действительный (*associate & full*). Эти два главных статуса педагогов различаются не по количеству выработанных часов (работа на половину или на полную ставку) и даже не по месту работы (основного или по совместительству), а по объему (количеству и качеству) исполняемых преподавателем профессиональных обязанностей, его опыту, а также степени понимания и возможностей изменения учебного плана, то есть его адаптации под каждую группу слушателей, а также разработки стратегии его оптимальной реализации (см. подробнее в прим. (1)).

В Великобритании ППС для системы ДПО (в) обязаны получить лицензию и пройти обучение по одной из двух программ:

– QTLS (*Qualified Teacher Learning and Skills*) – то есть обучения и навыкам квалифицированного преподавателя с получением диплома для ведения преподавательской деятельности в сфере непрерывного образования (для действующего ППС);

– ATLS (*Associate Teacher Learning and Skills*) – обучения и навыкам начинающего преподавателя с получением сертификата для законного ведения преподавательской деятельности в сфере непрерывного образования (для начинающего ППС).

Таким образом, подразумевается, что начинающий ППС первые пять лет своей профессиональной деятельности в этой должности и статусе должен получить достаточную квалификацию по специальности, пройти базовую подготовку преподавателя системы образования взрослых и завершить процесс профессионального формирования в британском Институте обучения (*Institute for Learning*). В результате такой подготовки начинающий ППС обязан продемонстрировать умение эффективно применять полученные ЗУНы, а затем каждые пять лет подтверждать свой статус. То есть британский ППС обязывается государством профессионально совершенствоваться на протяжении всей жизни (сначала в статусе начинающего, а затем и действительного педагога системы ДПО взрослых).

В целом процесс подготовки педагогов для системы ДПО (в) делится на подготовку к преподаванию в данной области специализации и – на постоянное повышение квалификации (в целях обеспечения наилучшего качества образования). Подобную подготовку в Великобритании осуществляют уни-

верситеты, а также общественные колледжи, специальные образовательные центры, центры обучения ДПО (в); кроме того, возможно обучение через интернет в online-режиме (2).

Такое многообразие действующих форм обеспечивает ППС возможности выбора ситуативно адекватных для него способов и места обучения без отрыва от работы.

Таким образом, подготовка педагогов для системы ДПО осуществляется разнообразными организациями, создаваемыми государством для развития и контроля разных направлений специализации ДПО; многообразие организационных форм дает британским педагогам широкие возможности по обмену опытом, а также по обучению в соответствии с требованиями программы постоянного повышения квалификации (Continuing Professional Development – CPD).

Работа образовательных организаций контролируется государством через введение единых сертификатов и дипломов на основе требований к подготовке ППС ДПО.

В обеспечении обучения ППС ДПО (в) в Великобритании ведущую роль закономерно играют университеты: в некоторых из них, например, в университетах Эдинбурга или Баты, в этих целях работают отделы непрерывного образования, занимающиеся и обучением взрослых, и подготовкой ППС для системы ДПО; в других – Оксфорде, Кембридже, Шеффилде, Варвике и др., организуется подготовка ППС ДПО с получением сертификата/диплома для лицензированного преподавания в сфере непрерывного образования.

Итак, самой используемой и популярной на текущем этапе развития образовательной формой закономерно является обучение по Интернету и дистанционное образование, поскольку они обеспечивают возможности без отрыва от работы обучаться в университетах и повышать свою квалификацию, а на основе современных мультимедийных технологий педагоги могут общаться с коллегами практически по всему миру.

Для контроля результатов процесса обучения ППС ДПО (в) британские исследователи разработали специальную образовательную модель, положенную в основу реформ первого десятилетия 2000-х гг., согласно которой ментор/преподаватель курса наблюдает и профессионально сопровождает каждого обучающегося в системе преподавания взрослым. Также в целях обеспечения эффективного контроля предусматривается посещение преподавателями во время обучения занятий друг друга, что усиливает эффект от изучения и применения опыта работы в разнообразных организациях при различных условиях деятельности.

Таким образом, начинающие преподаватели всегда имеют возможность получить квалифицированную оценку своих профессиональных усилий со стороны более опытных коллег, оценить свой стиль преподавания и приобретенные в процессе учебы навыки, а также наметить пути их совершенство-

вания. Формы проведения большинства курсов для ППС ДПО (в) – это семинары и лекции с организацией педагогической практики, что обеспечивает индивидуальный подход в обучении, обмен опытом в группе, практическое применение полученных в процессе обучения ЗУНов.

Кроме того, университеты организуют конференции и мастер-классы как для собственного ППС, так и в целях организации обмена опытом среди педагогов ДПО (в) разных вузов и образовательных организаций. При этом многие крупные Университеты проводят специальные комплексные исследования состояния профессиональной подготовки ППС для системы ДПО, которые затем широко публикуются и учитываются на практике на государственном уровне.

Кроме того, британские университеты и многие образовательные организации и ассоциации реализуют становящиеся все более популярными разнообразными курсы по подготовке ППС ДПО (в) (3).

Подытоживая вышеизложенный ценный опыт развития британской системы профессиональной подготовки педагогов-андрагогов ДПО, отметим, что она успешно и высокоэффективно функционирует, поскольку постоянно совершенствуется и реформируется и, таким образом, на каждом данном этапе адаптируется к новым вызовам информационной эпохи, находясь в перманентном развитии. Британские ученые разработали и внедрили в жизнь общую концепцию единства преподавания, обучения и подготовки ППС (*combined teaching, learning and training*). Кроме того, внедрена и отлажена система контроля качества обучения ППС и самих образовательных программ.

Как уже отмечалось, наиболее популярными сегодня формами подготовки ППС ДПО в Великобритании являются дистанционное и комбинированное обучение, что обусловлено растущей ролью и возможностями мультимедийных технологий, а также необходимостью повышать квалификацию без отрыва от работы.

Итак, особо отметим и подчеркнем в качестве промежуточных выводов к данному подразделу, что профессиональной подготовке ППС для ДПО (в) в современных развитых странах присущи общие системные характеристики (4), а именно непрерывность подготовки педагогов-андрагогов, наличие обязательных специальных сертификатов для получения права преподавания взрослым, использование аналогичных современных форм обучения, а также сходство провайдеров ДПО (в). Кроме того, подготовка преподавателей ведется в основном на базе крупнейших университетов, которые и являются главными провайдерами систем ВПО и ДПО (помимо них в данной сфере занимают свою нишу общественные колледжи и разнообразные организации и ассоциации, например, общественные, государственные или созданные в результате объединения университетов с общественными организациями и/или другими университетами). Таким образом, достигается собственно многообразие организаций, обеспечивающих систему ДПО (в), что дает возможности

ППС этой системы активно участвовать во всех профессиональных мероприятиях, а также успешно и на оперативной основе осуществлять обмен опытом.

Сама подготовка ППС ДПО варьирует – так, в университетах развитых стран обязательна степень бакалавра, магистра или кандидата наук (Ph. D.). Формы обучения многообразны – очная или заочная, дневная или вечерняя, на территории кампуса или дистанционно, по выходным дням или в будни, с получением сертификата или диплома.

В Великобритании, а также в США требуется получение специального сертификата для преподавания взрослым. Здесь хорошо налажена многоуровневость систем подготовки ППС – трехуровневая в Великобритании, а в США (в зависимости от штата) – двух- и более уровневая.

Сертификаты и лицензии на преподавание в США выдаются на ограниченное время, а для их возобновления необходимо выполнить условия по повышению квалификации – это определенное количество лет преподавания взрослым (от трех до десяти), получение ученой степени, специальное обучение и сдача экзаменов, составление методических портфолио, консультирование преподавателем-наставником.

В Великобритании для обеспечения постоянного повышения квалификации и качества преподавания ППС ДПО (в) существует трехэтапная система подготовки: первый уровень – это базовая подготовка ППС ДПО (в) с получением сертификата, а затем диплома по преподаванию в секторе непрерывного образования.

Существенно важно, что национальные системы подготовки ППС ДПО (в) в развитых странах находятся под пристальным вниманием государства в условиях усиления государственного контроля за качеством предоставляемых образовательных услуг, обязывающего педагогов соответствовать постоянно обновляемым требованиям. На локальном уровне существуют разнообразные организации для повышения квалификации и обмена профессиональным опытом, участие в деятельности которых со стороны педагогов поощряется или является обязательным. На уровне образовательных учреждений и профессиональных объединений преподавателей ведется обучение и стимулируется обмен опытом.

В развитых странах имеются и различия в национальных системах подготовки ППС ДПО (в): так, в США есть различия по штатам в требованиях к образованию, сертификации и обучению ППС ДПО (в), а в Великобритании система подготовки ППС едина по всей стране, и здесь сегодня практически завершён этап государственной стандартизации.

В Великобритании с 2008-го г. обязательно получение диплома или сертификата по преподаванию в сфере непрерывного образования. Для этого преподавателю в его первые пять лет работы необходимо получить квалификацию по специальности, пройти базовую подготовку преподавателя сферы

образования взрослых и в Институте обучения подтвердить свои профессиональные ЗУНЫ, сдав экзамен, называемый «профессиональной формацией».

Таким образом, в развитых странах накоплены «вековые» традиции, работающие на обеспечение высочайшего качества преподавания в системе ДПО (в), которые следует рассматривать как серьезный специфический фактор конкурентоспособности сферы их образовательных услуг на мировом рынке в целом, и в системах подготовки ППС ДПО взрослых: в частности, на высокую конкурентоспособность также мощное воздействие оказывает огромное количество серьезных научных исследований в анализируемой сфере, результаты которых затем берутся за основу государственной образовательной политики (таким образом, существенно важно, что контент реформирования сферы образования формируется учеными и экспертами, а не чиновниками госаппарата).

Проблемы и перспективы развития российского ДПО (в) в сфере управления с учетом опыта передовых зарубежных стран

В целях выделения основных проблем и, главное, перспектив оптимального развития системы российского ДПО в области социального управления, на наш взгляд, следует, в первую очередь, учитывать объективно работающий с максимальным эффектом позитивный зарубежный опыт, который был нами рассмотрен в двух предыдущих подразделах данной статьи. При этом важно учитывать выраженную отечественную социокультурную специфику, обуславливающую особенности восприятия зарубежной практики, а также ее адаптации в сфере социального управления.

Прежде всего речь идет о том, что российской модели социального управления в целом на текущем этапе ее становления и развития присуща тотальная эклектичность, означающая «соединение несоединимого» в едином целом, а именно наличие в ней в работающем состоянии значительной части основных элементов западных и восточных систем (например, американской, европейской, японской и китайской моделей). Кроме того, отечественная специфика также связана с незавершенностью процессов формирования системы, что объективно обуславливает массовое применение на практике модели «ручного управления» с огромной системообразующей ролью личности непосредственного высшего руководителя социальной организации.

Социально-экономическая эффективность режима «ручного управления», как хорошо известно из российской истории, целиком и полностью определяется личностью руководителя, его профессионализмом, общекультурным уровнем, а также в определенной степени его индивидуально-личностными особенностями и человеческими характеристиками. То есть здесь нет места работающему режиму строгой правовой обусловленности и регулируемости профессиональной деятельности при ее регламентации рамками закона, как

нет и контролируемых государством высоких стандартов качества. На практике все это подменяется правом административно более сильного чиновника (руководителя) насаждать свою волю нижестоящим по служебной иерархии, действуя не по букве закона, а в соответствии с принятыми в России «понятиями», реализующими принцип «социального дарвинизма» в его самой примитивной форме.

Кроме того, в отечественной специфике до сих пор также отмечается вполне закономерное отсутствие комплексности, усугубляющееся перманентными системными и структурными кризисами, а это, в свою очередь, влечет за собой консервацию (сохранение и упрочение позиций) системной эклектики при ее соединении с худшими органическими чертами административно-командной модели управления советского типа (такими, как «телефонное право», блат, бесправие работника, марионеточные профсоюзы, отрабатывающие социальные заказы государственной бюрократии высшего эшелона власти, и др. – и в государственном, и в частном секторе национального хозяйства) [3. С. 47].

Дополнительное образование (повышение квалификации и профессиональная переподготовка) в образовательной практике РФ в целом до сих пор пока существенно отличается от лучших зарубежных образцов международной практики, если сравнение проводить по таким основаниям, как организационная структура и принципы реализации профессиональных обучающих программ. Отечественная система ДПО имеет свою специфику и структуру с базовыми характеристиками и принципами организации – в целом, эта система не предусматривает учет кредитных единиц (за исключением пионерных ВУЗов), которые отражают количественные и качественные характеристики результатов обучения и уровень квалификации. В этом пока заключается главное отличие приложения к диплому специалиста о ВПО в РФ, свидетельства /удостоверения о повышении уровня квалификации, что не отвечает стандартам зарубежных систем профессионального образования. Новые образовательные стандарты ФГОС 3+ как раз и призваны повсеместно в РФ обеспечить перевод отечественной системы ДПО на новый уровень организации образовательных процессов.

В качестве базовой прикладной проблемы, которую должно разрешить в самое ближайшее время для обеспечения поступательного прогресса в реформировании российской системы ВПО и ДПО (в), выступает полная и тотальная неготовность к подобного рода профессиональной деятельности на современном этапе российского ППС в целом в разных отраслях специализации, включая сферу социального управления. Если категория «педагог системы дополнительного профессионального образования взрослых» за рубежом, в развитых странах Запада и Востока, является сложившейся десятилетиями в ее современном варианте на основе вековых традиций качества высшего образования, то в нашей стране эта категория как таковая не только не сфор-

мировалась, но просто-таки отсутствует; при этом она абсолютно не изучена на уровне серьезных социологических и экономических исследований экспертными группами специалистов, а сама система подготовки корпуса педагогов для сферы ДПО (в) находится на самой начальной стадии своего формирования.

Начальную стадию формирования специального корпуса педагогов-андрагогов для сферы ДПО (в) в современной России отличает практически повсеместное отсутствие специальной профессиональной подготовки ППС в области социального управления, а также необязательность не только постоянного повышения педагогической квалификации, но и даже отсутствие требования государственного стандарта по лицензированию подобного рода деятельности, что приводит практически к тотальному отсутствию у российских ППС сферы ДПО (в) специальных сертификатов/дипломов, которые юридически подтверждают право на преподавание взрослым.

До сих пор даже в ведущих вузах РФ на практике считается, что если ППС благодаря своему опыту и профессионализму, основанному на принципе самообразования в течение всей жизни, удастся соответствовать потребностям взрослой аудитории и получать с ее стороны итоговые позитивные оценки, то такие педагоги будут и дальше привлекаться к сотрудничеству на программах ДПО (в). В случае же массовых жалоб на качество предоставляемых образовательных услуг со стороны взрослой аудитории руководство подобных программ предпринимает ожидаемые и достаточно примитивные меры, а именно во избежание дальнейших проблем как со стороны обучаемых взрослых, так и со стороны задействованных на программе педагогов дает подобному преподавателю возможность доработать согласно заключенному с ним контракту, который в дальнейшем просто не возобновляет.

То есть можно заключить, что пока общее качество отечественных программ ДПО (в) продолжают находиться в прямо пропорциональной зависимости от качества и уровня преподавания, обусловленного, в свою очередь, таким субъективным фактором, как индивидуально-личностный потенциал педагога, его профессиональная добросовестность и подготовленность, все еще отданная и государством, и вузом ему на откуп.

Таким образом, в условиях, когда в РФ объективно востребовано быстрое развитие рынка дополнительных образовательных услуг, знакомство с теоретическими положениями и практическим применением форм и содержания обучения преподавателей-андрагогов за рубежом, осмысление и применение лучших идей, адаптированных к российской специфике, могли бы безусловно способствовать решению этой проблемы ДПО (в) в современной России (5).

Кроме того, из первоочередных для разрешения в самой ближайшей перспективе, без чего не может состояться сокращение разрывов в качестве программ ДПО (в) между отечественной и зарубежной практикой, выступает проблема формального и содержательного наполнения.

В частности, речь идет о том, что при большом многообразии предлагаемых в области специальностей по социальному управлению программ ДПО (в среднем их продолжительность составляет от нескольких месяцев интенсивного обучения до трех-четырех семестров менее интенсивного обучения по два-четыре дня в неделю при огромном разнообразии запрашиваемой платы – в среднем современные цены начинаются от минимального диапазона 30–40 тыс. руб. за один семестр, а их верхняя планка практически ничем, кроме готовности потребителя образовательных услуг платить, не ограничена) практически все они страдают общим существенным изъяном, а именно крайне низким качеством подобных программ.

Анализ материалов сайтов программ ДПО (в), предлагаемых ведущими российскими вузами, показал, что даже самые прогрессивные российские университеты предлагают в рамках программ ДПО (в) по социальному управлению весьма примитивные обучающие курсы, качество контента которых в лучшем случае удовлетворяет минимальным требованиям подготовки бакалавра при полном отсутствии проблемно-предметного подхода, а также без какой бы то ни было привязки к конкретной российской специфике применения полученных знаний на практике при игнорировании потребностей взрослой аудитории (6).

Еще одной важнейшей проблемой, ждущей своего разрешения в перспективе, остается обратная сторона расширяющихся в применении и на российской практике ИКТ, когда дистанционный принцип организации образования (столь популярное сегодня в мировой практике удаленное обучение) подразумевает почти полное повсеместное исключение из учебного процесса *лично-сти* преподавателя. Это означает, что понимание учебного материала дистанционно обучающимся взрослым специалистом, в частности по социальному управлению, строится сообразно его личному текущему уровню профессионального и личностного развития, и таким образом, не происходит реализации высшей обучающей цели в сфере современного управления, а именно не реализуется задача раздвижения границ традиционного управленческого мышления (иными словами, в этом смысле даже большое количество новых знаний не сможет выйти на уровень новых требуемых профессиональных качеств, поскольку это невозможно хотя бы без мастер-классов по специальности при личном контакте с преподавателем).

С реальным учетом позитивного зарубежного опыта и его обобщением для внедрения в российскую образовательную практику связано, в первую очередь, повсеместное обязательное повышение качества предоставляемых образовательных услуг (как по содержательной и формальной предметной составляющей, так и по специальной подготовке профессионального ППС), нацеленное на сокращение и, в конечном счете, ликвидацию разрыва с лучшими мировыми образцами. Кроме того, на наш взгляд, для российской практики и ее успешного реформирования в сфере ДПО (в) особенно необходимым ста-

новится обязательный учет того факта, что наиболее передовые концепции ДПО (в) за рубежом реализуют систему профессионального обучения в тесной кооперации с трудовой деятельностью (вплоть до исчезновения рамок, разделяющих профессиональную деятельность и образование).

Обязательна к учету и практической реализации такая важнейшая характеристика лучших мировых образовательных образцов, как выход системы ДПО (в) за пределы образовательных организаций; все большее количество организаций открывает собственные внутренние учебные центры по подготовке, переподготовке и повышению квалификации взрослых. Программы ДПО (в) за рубежом направлены на скорейшее овладение профессионалами новыми ЗУНами и профессиональными компетенциями на основе новых технологий, то есть на максимальное повышение ключевого параметра конкурентоспособности специалистов информационной эпохи – так наз. “cognitive mobility” [1. С. 105–108].

Что же касается перспективных комплексных задач в области подготовки российского ППС ДПО (в), то в их состав, как минимум, должны быть включены следующие направления:

– разработка научно-методического обеспечения подготовки ППС к выполнению новых функциональных задач, связанных с ИКТ в образовании и с новой социокультурной парадигмой его развития (в первую очередь, на программах повышения квалификации);

– разработка полного научно-методического обеспечения обязательного и гарантированного получения педагогом, в том числе и с непедагогическим образованием, профессиональных ЗУНов, необходимых для выполнения им новых видов деятельности (прежде всего при переподготовке);

– создание условий для доступа всех педагогов к системе ДПО (в) в соответствии и с учетом их индивидуальных профессиональных проблем и потребностей на протяжении всей педагогической деятельности (преимущественно на программах стажировок).

В РФ на период до 2020 г. значительные вызовы на перспективу связаны с развитием непрерывного образования; охват занятого населения программами повышения квалификации крайний низкий (16% в среднем по стране) и должен быть доведен до 37% охвата занятого населения в возрасте от 25 до 65 лет согласно Указу Президента РФ № 599. Пока же имеет место практика, при которой показатели натягиваются за счет всевозможных тренингов, бессистемных и без наличия проблемно-предметного подхода – по качеству, а также широкого применения так называемого обучения на рабочем месте без отрыва от производства с использованием института наставничества и самообразования, причем все это подводится под понятие непрерывного образования.

Выявленные потребности в развитии профессиональных управленческих, экономических, технических компетенций, а также компетенций в сфе-

ре владения ИКТ должны объективно стимулировать развитие рынка ДПО через создание специализированных учебных центров и развитие маркетинга соответствующих услуг вузами.

Поскольку пока российский работодатель в деле повышения квалификации своих сотрудников все меньше ориентируется на организации СПО и ВПО, программы которых в целом не отвечают современным требованиям, постольку объективно существует острая потребность разворота вузов и организаций ВПО к реализации программ непрерывного профессионального образования, то есть вложения средств в разработку принципиально новых программ, выполненных в духе социальной инноватики на основе СИОТ, а также в качественное переобучение всего преподавательского корпуса на основе широкого внедрения в образовательную практику компетентностного, междисциплинарного и межпрофессионального подходов.

Общие выводы и заключения

Наиболее общая характеристика текущего состояния отечественного ДПО (в) на современном этапе может быть дана через структуру основных форм его реализации, в которой наблюдается явно выраженный перекося в пользу повышения квалификации (90,1%) за счет минимизации удельного веса профессиональной переподготовки (8,2%) и особенно профессиональной стажировки (1,7%). При этом до 25% российских работодателей отмечают нехватку у своего персонала управленческих компетенций, а еще 20% говорят о дефиците компетенций по прикладному использованию современных ИКТ. Одновременно с этим большинство отечественных работодателей и лиц наемного труда признают повышение профессиональной квалификации необходимым элементом трудовых отношений (при том, что национальная система ДПО (в) не отвечает как текущим, так и перспективным потребностям рынка образовательных услуг и общества, в целом).

Глубинные причины подобного отставания заключаются в том, что в РФ до сих пор не осуществлен присущий лучшим образцам опыта развития западных и восточных образовательных моделей ВПО и ДПО институционализированный переход от авторитарно-технократической парадигмы развития к гуманистической и личностно-ориентированной. Этому должно способствовать скорейшее совершенствование содержательного контента профессиональной подготовки ППС для работы в секторе непрерывного образования взрослых, а началом реализации служит разработка полной учебно-программной документации нового поколения, концептуальной первоосновой которой являются компетентностный, междисциплинарный и межпрофессиональный подходы при сквозном системообразующем значении и применении проблемно-предметного метода обучения на основе СИОТ с доминирующей в них ролью кейс-технологий.

Подобные требования перемен в отечественной системе ВПО/ДПО (в) объективно обусловлены уже реализованным в мировой практике общим ключевым трендом постиндустриального перехода в образовании, который в отечественной практике начал осуществляться только с 1990-х гг. и до сих пор идет слишком медленно.

Краеугольным моментом в реформировании отечественной системы ДПО (в) в сфере социального управления в широком смысле понимания становится формирование личности управленца нового поколения с высококоразвитыми профессиональными качествами, умением быстро принимать ситуативно-адекватные и стратегически оптимальные решения, а также нести ответственность за их реализацию.

На основе прикладных социологических исследований отечественной системе ДПО (в) показано четко формулировать и определять ведущие потребности мотивацию в целом со стороны государственных гражданских служащих сферы публичного управления к участию во всех формах системы ДПО (в).

Успешная реализация программ реформирования систем ВПО/ДПО в РФ может быть существенно качественно ускорена благодаря учету тенденций развития и прогрессивного опыта зарубежных моделей ДПО (в), поскольку наиболее передовые из них соответствуют условиям и требованиям современного постиндустриального общества, а базовые основы систем ВПО/ДПО в них формируются с учетом усиления процессов глобализации, интеграции и унификации в рамках мирового сообщества. Лучшие из зарубежных моделей «заточены» под подготовку кадров специалистов нового поколения и качества владения профессией с высоким уровнем познавательной (когнитивной) мобильности.

Главной стратегически долгосрочной тенденцией развития зарубежных образовательных систем стала реализация непрерывного профессионального образования на протяжении всей жизни; в самой системе непрерывного образования особое место занимает профессиональное образование взрослых как ведущее образовательное направление развития. Этот основной тренд подкрепляется базовыми тенденциями, а именно лидерством в приоритетах развития систем ДПО профессионального образования взрослых; ростом роли государства, выражающейся в том числе в приоритетном финансировании ДПО (в) при постоянном централизованном контроле; расширением числа провайдеров ДПО (в), особенно среди вузов с доминирующей ролью университетов; растущим многообразием обучающих программ при их усиливающейся доступности для всего населения.

Эти объективные тенденции реализуются на уровне зарубежных национальных образовательных систем ВПО/ДПО (в), среди которых наиболее отработанными и эффективными на современном этапе выступают общеевропейская, а в ее рамках – британская, немецкая и скандинавская, а также

американская, ближневосточная и японская модели. Главный вектор направленности их развития лежит в плоскости реализации основополагающего принципа непрерывности профессионального образования на протяжении всей жизни с базовой идеей максимального обеспечения владения новыми ЗУНами и компетенциями в сфере социального управления при постоянном росте инвестиций в человеческий (интеллектуальный) капитал как со стороны работодателя, так и государства, и государственной образовательной политики в целом.

Материальную основу мировых образовательных процессов формируют СИОТ при широком внедрении ИКТ, а также система профессионального консультирования и сопровождения/наставничества. При этом корпоративный бизнес усиливает все формы сотрудничества с вузами и особенно с университетами в реализации и совершенствовании программ ДПО (в).

Особое место в зарубежном опыте занимает отработанная система подготовки педагогов-андрагогов, способных удовлетворять профессиональным требованиям взрослой аудитории. В данной сфере международный опыт показывает, что наиболее продвинутые мировые образовательные системы развиваются при усилении роли государства и общества в целом в процессах формирования высочайшего уровня качества подготовки ППС для ДПО (в), а также при перманентном реформировании и совершенствовании всей системы в целях придания ей унифицированности с едиными требованиями и характеристиками на основе повсеместного применения современных мультимедийных технологий и Интернета.

В целом, данные системы отличает четкая структурированность, функциональное разделение труда между начинающими и опытными педагогами-андрагогами, многообразие организационных форм, а также налаженный жесткий государственный контроль как за всей образовательной системой, как в целом, так и особенно за ДПО (в).

Наиболее передовой, отработанной, эффективной и, что немаловажно, постоянно совершенствующейся на основе реформ на современной этапе развития выступает британская система, в том числе и в области подготовки ППС для ДПО (в). Ее также отличает ориентированность на СИОТ и кейс-технологии в целях развития личности и раздвижения границ традиционного управленческого мышления, отлаженность контроля качества работы педагогов всех уровней, усиление централизации и государственного контроля качества предоставляемых образовательных услуг, рост роли ИКТ при поиске новых форм их применения в образовательных процессах, опережающее перманентное развитие на основе реформирования образовательной системы национальных стандартов качества подготовки, сертификации и повышения квалификации корпуса преподавателей ДПО (в), переход к конструктивной модели передачи ЗУНов и контактной педагогике.

Подготовке ППС для ДПО (в) в современных развитых западных и восточных моделях присущи такие системные характеристики, как непрерывность подготовки педагогов-андрагогов на протяжении всей жизни, наличие обязательных специальных сертификатов для получения юридического права преподавания взрослым, использование аналогичных современных форм и технологий обучения, сходство основных провайдеров ДПО (в), среди которых доминируют университеты.

Высочайшее качество преподавания в системе ДПО (в) выступает специфическим фактором конкурентоспособности сферы образовательных услуг на мировом рынке в целом и в подготовке ППС ВПО/ДПО в частности; данный фактор с точки зрения обеспечения качественного нового состояния и устойчивых параметров интенсивного экономического роста информационной эпохи является системообразующим и краеугольным. Важнейшую роль в обеспечении общей конкурентоспособности также играет растущее количество серьезных научных исследований (экономических, социологических, социо-культурных, политологических, юридических и пр.) в анализируемой отрасли.

Общие объективные характеристики систем ДПО (в) и подготовки корпуса педагогов-андрагогов могут и должны быть применены к отечественной практике для решения основных проблем и обеспечения перспектив оптимального развития российского ВПО/ДПО в сфере социального управления.

При адаптации передового зарубежного опыта следует, в первую очередь, учитывать, что отечественной модели социального управления до сих пор присуща тотальная эклектичность, а также незавершенность процесса ее формирования, порождающая объективную необходимость массового применения режима «ручного управления» при системообразующей роли личности руководителя социальной организации вообще и непосредственного начальника в частности.

Важнейшей задачей остается внедрение в отечественную практику в масштабах всей страны (а не только в ведущих университетах) обязательности учета кредитных (зачетных) единиц, отражающих количественные и качественные характеристики результатов обучения и уровень квалификации.

Прикладными проблемами, необходимыми к разрешению в кратчайшие сроки, выступает:

– преодоление неготовности российского корпуса ППС в целом к работе в режиме непрерывного профессионального образования на основе контактной педагогики и интерактивности;

– проведение серьезных экономических, социологических, социокультурных, политологических, юридических и пр. исследований состояния всей российской системы ДПО (в) и в ее рамках – подготовки кадров ППС для ДПО (в);

- разработка и внедрение государственных стандартов по обязательно-му лицензированию деятельности педагогов-андрагогов;
- качественное изменение контента (содержательного и формально-го) образовательных программ и учебных курсов по социальному управле-нию на основе междисциплинарного/межпрофессионального и проблемно-предметного подходов;
- реализация профессионального обучения в тесной кооперации с трудо-вой деятельностью.

Таким образом, принципиальный разворот отечественных систем ВПО/ДПО (в) в сторону практики и потребностей российского работодателя воз-можен только на основе реализации программ непрерывного профессиональ-ного образования при финансировании и контроле государством совместно с работодателями качественно нового уровня обучающих программ, выпол-ненных в духе социальной инноватики на основе СИОТ, а также переобуче-ния всего преподавательского корпуса на основе широкого внедрения в рос-сийскую образовательную практику компетентностного, междисциплинарно-го/межпрофессионального и проблемно-предметного подходов.

© Игнацкая М.А., 2016

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Британские ППС для системы ДПО (в) по своему статусу также подразделяются на педагогов с полной занятостью (*full-time educator*) и педагогов с частичной за-нятостью (*part-time educator*). Главное различие между ними заключается в испол-няемых функциях. Так, по статусу ППС с полной занятостью редко преподают, а по большей части занимаются составлением программ курсов, учебно-методической литературы, а также контролируют организацию процесса обучения и в особенно-сти уделяют внимание контролю качества преподавания. Что касается ППС с ча-стичной занятостью, то они занимаются исключительно преподаванием. При этом педагоги с полной занятостью мотивируются максимально высокой среди ППС зарплатой, творческой автономностью и независимостью при создании курсов и написании программ, а также учебно-методических материалов; педагоги же с ча-стичной занятостью кроме зарплаты нацелены на совершенствование и отработку профессиональных навыков преподавания и повышение квалификации. Кроме того, заслуживает внимания наличие в британской системе категории ППС, которая рабо-тает на добровольной основе и которая получает удовлетворение от преподавания как своего хобби, а также от приносимой обществу пользы.
- На наш взгляд, для понимания условий функционирования британской системы ДПО взрослых и эффективной подготовки педагогов-андрагогов следует иметь в виду возможности применения в ней интересной классификации ППС ДПО (в) Кристофера Дьюка [7. С. 219], в которой он выделяет три группы, а именно:
- оплачиваемых преподавателей с полной занятостью (*full-time paid*);
 - оплачиваемых преподавателей с частичной занятостью (*part-time paid*);

– преподавателей с частичной занятостью, которые работают на добровольной основе (*part-time voluntary*).

Классификация К. Дьюка, на наш взгляд, ценна своей профессиональной функциональностью, ориентацией на профильное разделение труда и, что немаловажно, на мотивацию деятельности ППС; все это вместе взятое обеспечивает максимальную продуктивность образовательной системы в целом и функционирования в ней различных по статусу групп педагогов-андрагогов.

В другой классификации, также весьма полезной для практики, для начинающих преподавателей, а также для временных работников и преподавателей, перешедших из других профессий, Робинсон и Лэтчем вводят понятие «парапрофессионалов», как группы преподавателей, предоставляющих квалифицированному ППС возможность полностью сосредоточиться на важных аспектах их профессиональных обязанностей (научно-исследовательских, учебно-методических и пр.) и /или временно компенсирующих недостаток преподавателей [10. С. 6].

Таким образом, в образовательной структуре среди оплачиваемых преподавателей есть парапрофессионалы с частичной занятостью и профессионалы с полной занятостью. Подобное функциональное разделение труда обеспечивает наличие в образовательной системе возможностей профессионального роста и совершенствования навыков (иными словами, у каждого участника системы имеется своя ниша, определяемая на основании его опыта, способностей, интеллекта и т.д.).

- (2) Многообразие форм предоставления образовательных услуг для подготовки ППС ДПО (в) в Великобритании кроме максимально популярного обучения по Интернету *on-line* также часто обеспечивается на основе модели дистанционного обучения (*e-learning, distance learning*) и, кроме того, семинаров (*seminars*), лекций (*lectures*), мастер-классов (*workshops*), конференций (*conferences*), преподавательской практики (*teaching practice*), поддержки ментора или тьютора (*directed tutorial*), посещения занятий коллегами (*peer observation*), членства ППС ДПО в профессиональных ассоциациях (*association membership*), практических занятий с использованием методических материалов преподавателя ДПО, научно-исследовательской работы (публикации статей, научных докладов, монографий и т.д.), комбинирования нескольких обучающих форм (*combined learning*).

Использование и внедрение данного позитивного и многообразного британского опыта с точки зрения его полной адаптации к российским реалиям, на наш взгляд, не должно представлять серьезных трудностей, поскольку практически все его формы хорошо известны в отечественной практике еще с советских времен, но, конечно, они требуют осовременивания, то есть целенаправленного овладения современными методами и подходами в рамках вышеперечисленных обучающих форм.

Исключение составляет лишь первая позиция (обучения по интернету в он-лайн режиме), но и она все чаще используется в современной России, особенно наиболее передовыми ведущими ВУЗами, а восьмая (поддержка ментора или тьютора) хорошо известна в отечественной практике, правда, под другим названием – профессионального наставничества и сопровождения.

- (3) Британские курсы по подготовке ППС для системы ДПО (в) включают в себя:
- сокращенные программы (*part-time courses*);
 - дистанционное обучение (*distance learning courses*);
 - обучение по Интернету (*online courses*);
 - летнюю школу (*summer school courses*);

- заказные курсы (*bespoke courses*);
 - курсы для получения сертификатов/дипломов/квалификаций/степеней.
- (4) Общие системные характеристики подготовки ППС ДПО (в) выделены на основе материалов крупнейших университетов Великобритании – Оксфорда, Кембриджа, Варвика, Йорка, Суррея и др., а также США – Йейля, Гарварда, Принстона, Стрэтфорда, Дартмуса и др. Кроме того, были широко использованы материалы британского Открытого Университета и многих научных исследований в этих странах.
- (5) Высококачественная подготовка ППС для системы ДПО (в) в современной России с учетом мирового опыта должна осуществляться при одновременном соблюдении всех нижеперечисленных основополагающих принципов:
- системности;
 - профессиональной контекстности;
 - динамичности;
 - паритетности во взаимодействии ППС и взрослой аудитории;
 - междисциплинарности и интеграции;
 - гуманитаризации;
 - индивидуализации и дифференциации.
- (6) Чтобы поставленная проблема не показалась умозрительной, приведем лишь один, но яркий из многочисленных возможных примеров, взятых из практики. Так, даже в таком престижном вузе, как МГУ им. М. В. Ломоносова, где на сегодняшний день практически на каждом факультете существуют программы ДПО (в) и где есть разные программы ДПО в сфере социального управления, учебная дисциплина по теории организации и организационному поведению не выдерживает никакой критики. Во-первых, в ней объединены две специальные дисциплины подготовки профессионального управленца, а именно теория организации и разработки оптимального организационного дизайна, а также – курс по эффективному управлению организационным поведением, что является, на наш взгляд, абсолютно недопустимым, поскольку существенно сужает результативность и итоговую эффективность и по времени изучения, и по контенту (иначе говоря, сводит на нет возможность углубленного преподавания профессиональной взрослой аудитории). Во-вторых, не выдерживает критики собственно контент заявленного сдвоенного курса, в котором от курса по теории организации наличествуют две-три общетеоретические темы, а по управлению организационным поведением, взятому по самым «верхам» проблематики, годящейся разве что для преподавания в непрофильном техническом вузе, где данный курс является для бакалавров факультативным, отсутствует какое бы то ни было представление о современных бизнес-технологиях и возможностях их адаптации к российским условиям в сферах ВА и РА, в том числе и особенно о так называемых «мягких» технологиях управления. При этом приведенный контент сам по себе представляет собой лишь некоторые отдельные первоосновы, взятые вне логики подобного проблемного управленческого курса. Причем все вышеобозначенные характеристики предлагаемого на сайте ДПО (в) МГУ им. М. В. Ломоносова управленческого курса никак не связаны с проблемно-предметным подходом преподавания дисциплины (такой подход вообще отсутствует).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Анкудинов Е.М.* Модели и организационные формы дополнительного профессионального образования за рубежом // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2014. № 2. Т. 6.
- [2] *Игнацкая М.А.* Развитие системы ДПО в сфере управления в России и за рубежом – опыт, проблемы, перспективы. Вестник РУДН. Серия: ГМУ. 2016. № 3.
- [3] *Игнацкая М.А.* Реформирование российского ВПО в сфере государственного управления. Вестник РУДН. Серия: ГМУ. 2014. № 1.
- [4] Инновации и современные технологии в системе образования / Под ред. Берберян А.С., Сидорова С.В., Дорошиной И.Г. Прага, Vedecko vydavatelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2013. 351 с.
- [5] Новые образовательные технологии в вузе [Сборник материалов шестой международной научно-методической конференции]. Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ–УПИ», 2009. 416 с.
- [6] *Тикушина И.А.* Система подготовки преподавателей дополнительного образования взрослых в Великобритании // Известия ВПГУ. 2010.
- [7] *Duke C.* Adult Education: International Perspectives /C. Duke. Croom Helm, USA, 1987.
- [8] Office for Standards in Education. The initial training of further education teachers: Findings from 2004/05 inspections of courses learning to national awarding body qualifications. London, 2006. URL: www.ofsted.gov.uk.
- [9] Qualifications for teachers, tutors, trainers, lecturers and instructors in the further education sector in England (2007) // Life-long Learning UK. Skills for Learning Professionals. URL: www.11uk.org/ias.
- [10] *Robinson B.* Teacher Education through Open and Distance Learning / B. Robinson, C. Latchem // World Review of Distance Education and Open Learning. Routledge Falmer, N.Y., 2003. Vol. 3.
- [11] The Further Education Teachers’ Qualifications (England) Regulations 2007 № 2264. URL: www.opsi.gov.uk/si/si2007/uksi_20072264_en_1.
- [12] *Tight M.* Key Concepts in Adult Education and Training. Second Edition. London and N.Y.: Routledge, 2003.

REFERENCES

- [1] *Ankudinov E.M.* Modeli i organizacionnye formy dopolnitel’nogo professional’nogo obrazovanija za rubezhom // Vestnik JuUrGU. Serija «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki». 2014. № 2. Т. 6.
- [2] *Ignackaja M.A.* Razvitie sistemy DPO v sfere upravlenija v Rossii i za rubezhom – opyt, problemy, perspektivy. Vestnik RUDN. Serija: GMU. 2016. № 3.
- [3] *Ignatskaya M.A.* Reformirovanie rossijskogo VPO v sfere gosudarstvennogo upravlenija. Vestnik RUDN. Serija: GMU. 2014. № 1.
- [4] Innovacii i sovremennye tehnologii v sisteme obrazovanija / Pod red. Berberjan A.S., Sidorova S.V., Doroshinoy I.G. Praga, Vedecko vydavatelske centrum “Sociosfera-CZ”, 2013. 351 s.

- [5] Novye obrazovatel'nye tehnologii v vuze [Sbornik materialov shestoj mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii]. Ekaterinburg: GOU VPO «UGTU– UPI», 2009. 416 s.
- [6] Tikushina I.A. Sistema podgotovki prepodavatelej dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslyh v Velikobritanii // *Izvestija VPGU*. 2010.
- [7] *Duke C. Adult Education: International Perspectives / C. Duke*. Croom Helm, USA, 1987.
- [8] Office for Standards in Education. The initial training of further education teachers: Findings from 2004/05 inspections of courses learning to national awarding body qualifications. London, 2006. URL: www.ofsted.gov.uk.
- [9] Qualifications for teachers, tutors, trainers, lecturers and instructors in the further education sector in England (2007) // *Life-long Learning UK. Skills for Learning Professionals*. URL: www.11uk.org/ias.
- [10] *Robinson B. Teacher Education through Open and Distance Learning / B. Robinson, C. Latchem // World Review of Distance Education and Open Learning*. Routhledge Falmer, N.Y., 2003. Vol. 3.
- [11] The Further Education Teachers' Qualifications (England) Regulations 2007. № 2264. URL: www.opsi.gov.uk/si/si2007/uksi_20072264_en_1.
- [12] *Tight M. Key Concepts in Adult Education and Training*. Second Edition. London and N.Y.: Routhledge, 2003.

ADULT CONTINUING MANAGERIAL (PA & BA) EDUCATION SECTOR'S DEVELOPMENT IN RUSSIA AND ABROAD – PROBLEMS OF OPTIMIZATION

Marina A. Ignatskaya

The article presents the second part of the research, following the first publication in [2]. The specific features and problems of optimization of adult continuing managerial (PA&BA) education sector's development in Russia through progressive abroad experience are described and analyzed. Systems of the adult supplementary education abroad along with the adult educators' training experience are characterized. Problems and development prospects of adult professional managerial education in Russia are highlighted.

Key words: adult supplementary (continuing) education, adult educator, continuing professional education sector, systems and models of adult supplementary education abroad

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-77-81

**INWIEFERN WIRKT SICH ARBEITSLOSIGKEIT
IN BEZUG AUF DIE PARTIZIPATION AM BEISPIEL
DER KOMMUNALWAHLEN AM 25.05.2014 IN DORTMUND AUS?****Evgenia E. Koppel, Galina I. Bykova**

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

Im Artikel wird wenig besprochenes in deutscher wissenschaftlicher Literatur Problem der Verbindung zwischen Arbeitslosigkeit und der sozialen und politischen Aktivität der Bundesbürger betrachtet. Sich auf die veröffentlichten Übersichten der Stiftung von Bertelsmann, ausländische Forschungen und statistische Angaben stützend, beweist der Artikel, dass die Arbeitslosigkeit in der entscheidenden Weise die Beteiligung an den Wahlen beeinflusst. Und zwar: je höher die Arbeitslosenquote im Stadtbezirk ist, desto niedriger fällt die Wahlbeteiligung aus. Die vorliegende These ist im Text auch durch die vorgestellten Diagramme bestätigt.

Die Stichwörter: die Politikwissenschaft, die Soziologie, die Wahlen, das trennscharfe Erscheinen, des Statistikers, das Niveau der Arbeitslosigkeit, Deutschland, Dortmund

Die meisten Parteien verlieren Mitglieder, die Bürger interessieren sich für Politik weniger, als in der Vergangenheit, die Wahlbeteiligung sinkt flächendeckend. Wie die Ergebnisse der empirischen Partizipationsforschungen in diesem Werk gezeigt haben, dass Demokratiereformen sozial selektiv wirken können, und die Fähigkeit und die Bereitschaft zum politischen Engagement nicht zufällig ungleich verteilt sind. Bestimmte Segmente der Gesellschaft sind politisch aktiver als andere, und besser dazu Beteiligungsmöglichkeiten zur Verfolgung ihrer Interessen zu nutzen. Heutzutage hängt die Partizipation der Bürger von ihren Ressourcen wie Anwesenheit oder Abwesenheit des Arbeitsplatzes, Bildung und Einkommen ab. Wie empirische Forschungen zeigen, dass sozial Bessergestellte eine mehr als doppelt so hohe Wahrscheinlichkeit haben, an politischen Diskussionen, Unterschriftensammlungen oder Demonstrationen teilzunehmen, als Schlechtergestellte.

In unserer Forschung werden wir die Ursachen und Konsequenzen der sinkenden Wahlbeteiligung betrachten. Wir werden den Zusammenhang zwischen der Sozialstruktur und zwar der Arbeitslosigkeit und dem Wahlverhalten der Bürger am Beispiel der Kommunalwahlen am 25.05.2014 in Dortmund analysieren. In unserer

Forschung vergleichen wir die Arbeitslosenquote in 6 Bezirken von Dortmund und analysieren, ob es eine Tendenz bzw. keine Tendenz vorhanden ist, die unsere These bestätigt oder widerlegt. Unsere These lautet daher: **Je höher die Arbeitslosenquote im Stadtbezirk ist, desto niedriger fällt die Wahlbeteiligung aus.**

Zu selten wird in den öffentlichen Debatten die Frage gestellt, wer die Nichtwähler sind und welche Motive sie zur Wahlenthaltung führen. Gibt es eine homogene Gruppe, die aus ähnlichen Motiven nicht wählen geht? Oder handelt es sich um eine Vielzahl von Motiven? Die Antwort auf diese Fragen beeinflusst ganz wesentlich die möglichen Lösungswege. Daher ist es in jeder Debatte über die Wahlbeteiligung elementar wichtig, die soziale Struktur der Nichtwähler genau zu untersuchen. Dieses Problem untersucht in Deutschland Bertelsmann-Stiftung. Ob jemand wählt, so die These, hänge „stark von seinem sozialen Umfeld und davon ab, wo er wohnt, welche Freunde er hat und ob in seiner Familie über Politik gesprochen wird“ (Bertelsmann Stiftung, 2013, S. 6). Um diese These zu untersuchen, verglich die Bertelsmann-Stiftung in ihrer Studie einzelne Stadtteile. Das Ergebnis ist eindeutig: „Je prekärer die Lebensverhältnisse sind, desto weniger Menschen gehen wählen“ (Bertelsmann Stiftung, 2013, S.10). Die statistischen Ergebnisse von Bertelsmann Stiftung zeigen auch starken Zusammenhang zwischen der Arbeitslosigkeit in einem Stadtviertel und der Höhe der Wahlbeteiligung für die Sozialwissenschaft. Thorsten Faas analysiert den Zusammenhang von Wahlbeteiligung und Arbeitslosigkeit ebenfalls ausführlich und kommt für Deutschland zu identischen Ergebnissen. Arbeitslose nehmen mit geringerer Wahrscheinlichkeit an einer Bundestagswahl teil und sind auch sonst überproportional aus dem System ausgeschlossen. Dieser Effekt bleibt auch bei einer Kontrolle durch vorhandene soziostrukturelle Unterschiede bestehen (Faas, 2010, S. 375). Darüber hinaus hat auch die Furcht vor einem potentiellen Jobverlust negative Auswirkungen auf die Beteiligung an der nächsten Wahl. Diese Angst steigt ebenfalls mit der Verschlechterung der Lebensverhältnisse, weshalb sich auch für die subjektive Deprivationserfahrung eine soziale Schieflage der Wahlbeteiligung manifestiert (Faas, 2010, S. 383). Dies stellt eine eindeutige Gefahr für den demokratischen Prozess dar, wie wir ihn bisher kannten, denn die „Kräfte, die historisch die Demokratie getrieben haben, stellen sie heute in Frage. Noch zu Beginn des 20. Jahrhunderts war die Demokratie die Antwort auf die soziale Frage. Zu Beginn des 21. Jahrhunderts wird die neue soziale Frage zu einer ihrer größten Herausforderungen“ (Bertelsmann Stiftung, 2013, S. 4). Es ist also zu erkennen, dass ein sehr großer Teil der Nichtwähler in prekären Lebensverhältnissen lebt, in Gegenden wohnt, in denen Politik faktisch nicht mehr existiert und sich zudem auch noch vom politischen Prozess ausgeschlossen fühlt. Sofern es also nicht gelingt auf Individuen mit deutlich anderen Lebensverläufen zu treffen, wird ein Abgleiten in politische Apathie und Exklusion immer wahrscheinlicher. Den politisch abgehängten sozialen Schichten steht zwar keine rechtliche, aber eine immense faktische Zugangsbeschränkung zur Wahlteilnahme entgegen. Arbeitslosigkeit betrifft nicht nur die Arbeitslosen selbst, sondern auch ihr persönliches und

soziales Umfeld, von der Familie über den Freundeskreis bis hin zum unmittelbaren Lebens- und Wohnumfeld. Deshalb ist die Höhe der Arbeitslosigkeit ein insgesamt guter und starker Indikator für die soziale Lage in einem Wohnquartier.

In unserer Studie vergleichen wir die Arbeitslosenquote und Wahlbeteiligung aufgrund der Ergebnisse der Kommunalwahlen am 25.05.2014 in 6 Bezirken von der Stadt Dortmund und zwar: Aplerbeck, Hombruch, Hörde, Nordstadt, Oststadt und Scharnhorst und analysieren, ob es eine Tendenz bzw. keine Tendenz vorhanden ist, die unsere These bestätigt oder widerlegt. Alle Daten wurden über offizielle Daten der Statistischen Ämter der Stadt Dortmund bezogen. Die empirische Forschung haben wir mit dem statistischen Programm STATA gemacht. Die Ergebnisse kann man sehen in der Abbildung 1 und 2. Anhand der Ergebnisse kann man folgende Schlussfolgerung machen: in Bezirken, wo die Arbeitslosenquote oder der Anteil der Arbeitslosen höher ist, die Wahlbeteiligung niedriger ist, als in den Bezirken mit der niedrigen Arbeitslosigkeit, wo die Menschen aktiver wählen.

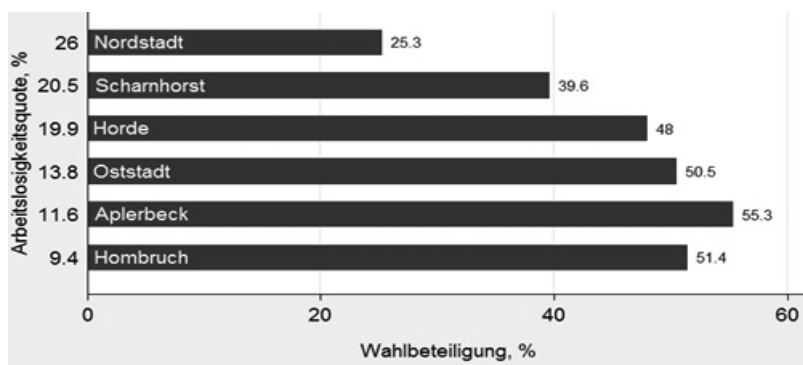

Abbildung 1. Zusammenhang zwischen der Wahlbeteiligung und Arbeitslosenquote in verschiedenen Bezirken der Stadt Dortmund bei der Kommunalwahlen am 25.05.2014

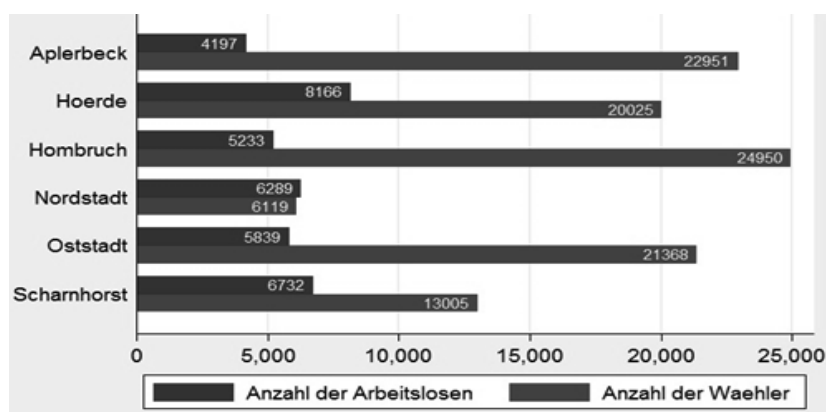

Abbildung 2. Zusammenhang zwischen der Wahlbeteiligung und Arbeitslosenquote in verschiedenen Bezirken der Stadt Dortmund bei der Kommunalwahlen am 25.05.2014

Mehr deutlicher kann man diese Tendenz am Beispiel der Bezirke Hombruch und Nordstadt sehen: in Hombruch ist die Arbeitslosigkeitsquote 9,5% und die Wahlbeteiligung ist 51,4%; In Nordstadt, wo die Arbeitslosigkeitsquote 26% ist, haben 25,3% Menschen gewählt. Betrachtet man die Ergebnisse, können wir die Schlussfolgerung machen, dass unsere These bestätigt wird: **«Je höher die Arbeitslosenquote im Stadtbezirk ist, desto niedriger fällt die Wahlbeteiligung aus.»** Man kann auch deutlich bestätigen, dass die Arbeitslosigkeit einen höchst signifikanten Einfluss auf die Wahlbeteiligung in den Stadtbezirken hat. Auf die Frage „warum Menschen in armen Stadtbezirken mit hoher Arbeitslosigkeit weniger politisch interessiert sind“ vermuten wir, dass der Grad des politischen Interesses der Bürger von der Qualität der Wohnumgebung abhängt. Wie stark sich Menschen für Politik interessieren, hängt somit nicht allein von individuellen Merkmalen ab, sondern auch von der Umgebung, in der sie leben.

© Koppel Evgenia E., Bykova Galina I., 2016

LITERATURVERZEICHNIS

- [1] *Bertelsmann S.* (2013). Prekäre Wahlen. Milieus und soziale Selektivität der Wahlbeteiligung bei der Bundestagswahl. 2013. S. 4–13.
- [2] *Faas T.* (2010). Arbeitslosigkeit und Wählerverhalten. Direkte und indirekte Wirkungen auf Wahlbeteiligung und Parteipräferenzen in Ost- und Westdeutschland (Studien zur Wahl- und Einstellungsforschung, Bd. 17, 1. Aufl.). Baden-Baden: Nomos. S. 375–383.
- [3] *Schäfer A.* (2012). Beeinflusst die sinkende Wahlbeteiligung das Wahlergebnis? Eine Analyse kleinräumiger Wahldaten in deutschen Großstädten, in: *Politische Vierteljahresschrift* 53. S. 240–264.
- [4] *Schäfer A.* (2015). Der Verlust politischer Gleichheit. Warum die sinkende Wahlbeteiligung der Demokratie schadet. S. 81.
- [5] Arbeitslosigkeit und SGB II Armut in Dortmund im Spiegel der Dortmunder Sozialstatistik 2005–2012.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Bertelsmann S.* (2013). Prekäre Wahlen. Milieus und soziale Selektivität der Wahlbeteiligung bei der Bundestagswahl. 2013. S. 4–13.
- [2] *Faas T.* (2010). Arbeitslosigkeit und Wählerverhalten. Direkte und indirekte Wirkungen auf Wahlbeteiligung und Parteipräferenzen in Ost- und Westdeutschland (Studien zur Wahl- und Einstellungsforschung, Bd. 17, 1. Aufl.). Baden-Baden: Nomos. S. 375–383.
- [3] *Schäfer A.* (2012). Beeinflusst die sinkende Wahlbeteiligung das Wahlergebnis? Eine Analyse kleinräumiger Wahldaten in deutschen Großstädten, in: *Politische Vierteljahresschrift* 53. S. 240–264.

- [4] Schäfer A. (2015). Der Verlust politischer Gleichheit. Warum die sinkende Wahlbeteiligung der Demokratie schadet. S. 81.
- [5] Arbeitslosigkeit und SGB II Armut in Dortmund im Spiegel der Dortmunder Sozialstatistik 2005–2012.

КАК ВЛИЯЕТ БЕЗРАБОТИЦА НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ? (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В Г. ДОРТМУНД В 2014 Г.)

Е.Э. Коппель, Г.И. Быкова

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

В статье рассматривается малообсуждаемая в немецкой научной литературе проблема связи между безработицей и социальной и политической активностью граждан ФРГ. Опираясь на опубликованные обзоры фонда Бертельсмана, зарубежные исследования и статистические данные, автор доказывает, что безработица решающим образом влияет на степень участия в выборах. А именно: чем выше процент безработных исследуемого района, тем ниже показатели участия в выборах и наоборот. Данный тезис подтвержден текстуально и анализом представленных диаграмм.

Ключевые слова: политология, социология, выборы, избирательная явка, статистика, уровень безработицы, Германия, Дортмунд

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-82-94

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСА ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.С. Рыдина

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

В данной статье исследуется общая ценностная направленность современной России. На основании проведенного вторичного анализа данных различных социологических агентств предложена иерархия ценностных предпочтений российского населения. Выявлены процессы инвертирования традиционных ценностей российского государства, что является помехой для обеспечения эффективного государственного управления.

Ключевые слова: ценность, высшие ценности государства, пакет ценностей, белый пакет ценностей, управление ценностями, антиценность, маргинализация, ценностная иерархия, цивилизационно-ценностный комплекс, развитие государства, система ценностей, социологические исследования

Обращаясь к наследию политической мысли итальянского философа двадцатого века, государственного деятеля, руководителя Коммунистической партии Италии Антонию Грамши, можно выделить следующую идею относительно наиболее доступного и наименее ресурсозатратного способа поддержания высшим руководством своего управленческого потенциала в государстве – это опора не только на силовое принуждение, но и на определенную жизнеобеспечивающую систему основных ценностных ориентаций данного общества [3]. Этот тезис использовался также в социально-философской концепции русско-американского социолога и культуролога Питирима Александровича Сорокина, который утверждал, что кризис высших ценностей государства приводит к катастрофическим последствиям для страны: «гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигались в противоположную сторону» [14].

Учитывая изложенное, отметим, что государственное управление должно опираться на каркас высших ценностей государства, присущих данному обществу, так как воздействие ценностных регуляторов на население страны

напрямую влияет на степень управляемости государства. В данном контексте под высшими ценностями государства предлагается понимать «специфические желаемые состояния и характеристики наиболее важных для его жизнеспособности факторов, выступающих и деятельностными мотиваторами для народа и государственной власти» [1].

Необходимо добавить, что процесс мироустройства характеризуется общими ценностными ориентирами, то есть базовый набор ценностей для различных государств не имеет значительных различий, однако специфику свода основных ценностей государства определяет различная вариантность степени вживления тех или иных ценностей в систему общественного сознания. По этой причине «пакет ценностей» (1) отдельного государства цивилизационно уникален. Формируясь в соответствии с историческим развитием страны, он становится элементом вероятностного вычисления развития государства по траектории успешности или неуспешности.

В данном случае является важным представить аргументированную доказательную базу для предложенного утверждения. В связи с этим следует обратиться к социологическим данным различных исследовательских агентств, в том числе всемирного научно-исследовательского проекта World Values Survey (Всемирный обзор ценностей), который исследует ценности и убеждения людей – то, как они меняются с течением времени и какое социальное и политическое влияние они оказывают.

Применительно к используемым данным проекта World Values Survey [19; 20] для проведения вторичного анализа в рамках задач, поставленных в настоящем исследовании, следует отметить, что импульс развитию данному проекту дают силы, действующие в рамках либеральной аксиологии, в том числе настроенные на дальнейшее распространение демократических начал. По этой причине изначально важно отметить, что World Values Survey не является идеологически свободным проектом, что оказывает влияние на набор и идеологическую окраску вопросов, предлагаемых респондентам различных стран. Однако отметим уникальность данного проекта в предлагаемом расширенном объеме вопросов по аксиологической тематике, охвате достаточного количества респондентов для достижения балансовой информативности в исследовании, а также в возможности странового сопоставления ценностей в рамках общих социологических замеров.

В результате шестой волны опросов по замеру ценностей World Values Survey из числа совокупности представленных ценностных характеристик в вопросе о степени важности в жизни респондента таких ценностей, как семья, друзья, свободное время, политика, работа, религия, большинство опрошенных считает важным ценность семьи (97,52%), ценность дружбы (79,8%), ценность свободного времени (73,72%), ценность работы (72,4%). Наиболее критичными параметрами для российского общества стали те, которые характеризуются большим процентом людей, однозначно не принимающих их в

сравнении с противоположенно настроенными респондентами: ценность политики (70,2% отрицают; 27,32% признают) и ценность религии (52,36% отрицают; 42,2% однозначно признают).

Следует отметить, что расчет восприятия ценностей в настоящем вопросе велся по показателям тех лиц, которые однозначно признавали и скорее признавали, чем однозначно отвергали и скорее отвергали, чем признавали, предложенные ценностные параметры. Представляется необходимым отметить, что такой срез данных приводит к возможности более точного сравнения полученных ответов респондентов на различные по стилю предложенные вариации ответов для выстраивания иерархии наиболее важных для общества ценностей на основании полученных результатов.

В вопросе о наборе особо важных, по мнению респондента, ценностях, которые можно привить детям в семье, из числа следующих ценностей: независимость, трудолюбие, ответственность, воображение, терпимость и уважение к людям, бережливое отношение к деньгам и вещам, решительность и настойчивость, бескорыстие и неэгоистичность, послушание, самовыражение, наиболее значимыми стали ценности трудолюбия (85%), ответственности (77,32%), терпимости и уважения к другим людям (63,60%), бережливости (50,68%).

При этом следует отметить, что ценности трудолюбия и терпимости в большей степени принимают поколения позднесоветского и среднесоветского периода (от 30 до 49 лет и от 50 лет и далее) – разница в сравнении ответов с молодым поколением (от 18 до 29 лет) составляет около 20%.

Антиценностями для населения, то есть теми ценностными параметрами, которые большинство из общества не воспринимает, для данного вопроса стали: воображение (82,92%), бескорыстие и неэгоистичность (76,6%), самовыражение (68,36%), послушание (64,12%), независимость (62,4%). Также отметим, что согласно результатам исследований, ценность самовыражения в большей степени воспринимается молодым поколением (около 15% более приверженцев данной ценности в сравнении с более старшими возрастными генерациями). В некоторой мере процессами универсализации политехнического образования в советский период можно объяснить причину минимизации ценности воображения для российского общества, также можно предположить, что данный результат может быть зависимым от снижения образовательного и научного потенциала страны.

Относительно выявленных ценностей в озвученных ранее вопросах, которые большинство отрицает, нежели признает, важно отметить, что неприятие большинством респондентов ценности политики корреспондирует с данными сводного аналитического отчета Левада-центра «Демократия в России: установки населения» за 2015 г. [12], которые свидетельствуют об основной выбранной стратегии российского общества во взаимоотношениях с властью – уклонение от лишнего контактирования в условиях осознания

достаточно сильной зависимости от государственной власти. Согласно данным отчета, такая ситуация приводит к непринятию самой сферы политики как чего-то ценного, общество, напротив, испытывает чувство неприязни в отношениях с властью. Из этого можно сделать предположение, что возрастание в обществе чувства несправедливости в складывающихся отношениях с властью может способствовать развитию процессов делегитимизации политической системы. Также можно объяснить непринятие ценности политики среднесоветским и позднесоветским поколениями исторически обусловленной самодержавной ментальностью русского народа, выражающейся в одобрении и принятии концепции наделения правящего лица исключительными властными полномочиями, что предполагает дистанцирование населения от политических процессов в государстве.

Относительно непринятия обществом ценности религии, в особенности представителями среднесоветского и позднесоветского поколений, отметим важность данной ценностной категории как связующе-обосновывающего элемента для выстраивания общей системы ценностей того или иного общества. Следует отметить, что начиная со времен античности мировые политические философы признавали особую роль религии в процессе культивации системы ценностных ориентаций, поддерживающих жизнеспособность общества того или иного государства. В данном контексте уместно в качестве примера привести концепцию Арнольда Джозефа Тоинби, который определял мировые религии как некий импульс для зарождения различных аксиологических систем, метафорически называя мировые религии «куколками», назначение которых виделось в аккумуляции ценностных установок [15]. Следует обратить внимание на положения Макса Вебера относительно того, что религии являются причиной социальных изменений, данный тезис он доказал, приведя пример влияния протестантизма на складывание определенного ценностного пакета, характерного для стран Западной Европы, где стали распространенными идеи рационального капитализма [9].

Резюмируя все вышесказанное, важно отметить, что религию можно охарактеризовать как своеобразный фундамент для аксиологической системы государства. Как следствие из данного утверждения – исключение религиозной основы из структуры ценностных ориентаций общества будет вести к их дальнейшему искажению. На современном этапе важной задачей управленческого звена в государстве является обоснование и сохранение «белого пакета ценностей» (2), который зависит от наследия исторического развития общества и в той или иной мере основывается на религиозной исторической традиции.

Важно добавить, что достаточно деструктивной ситуация в религиозной сфере становится в сравнении с мировыми показателями соотношения религиозно и антирелигиозно ориентированных долей общества. Россия насыщена религиозными антиценностями в сравнении с другими странами примерно более чем в шесть раз [19].

На основании ранее изложенного можно предположить, что непринятие обществом религиозного компонента может разрушить системность цивилизационно-ценностных основ государства, нивелируя их традиционное обоснование. Отсутствие веры у населения в традиционные исторически обоснованные ценности может привести к социальной апатии, что чревато процессами маргинализации общества.

В следующем вопросе о выделении одной наиболее важной цели для России на следующие десять лет среди таких целей, как высокий уровень экономического роста, высокая обороноспособность, больше учитывать мнение людей на работе и в обществе, сделать красивее города и села 68,4% респондентов проголосовали за высокий уровень экономического роста как важнейшую цель государства в среднесрочной перспективе.

В данном контексте, обращаясь к данным сводного аналитического отчета Левада-центра «Демократия в России: установки населения» за 2015 г., отметим, что исследование Левада-центра также зафиксировало как особо ценностно значимые общие экономические проблемы, влияющие на общество, в противовес социально-политическим проблемам, которые волнуют не более 7% населения. Из данного наблюдения можно сделать управленческий вывод, что политическим партиям и политикам, которые в силу своей политической направленности транслируют демократические ценности, следует отказаться от них, однако для апелляции к более широким слоям населения следует также учитывать ценностно-значимые для них категории, чтобы в конечном итоге не становится для населения маргинальными политическими структурами.

Что касается ценности свободы слова, то в российском обществе данная ценность не возведена в ранг ценностей особой важности. Так, среди таких ценностных категорий, как поддержание порядка в стране, дать людям больше возможности влиять на принятие правительством решений, борьба с ростом цен, защита свободы слова, данная ценность занимала последние места в вопросах, где нужно выбрать самую важную ценность, а также вторую по значимости после уже выбранной ранее. Такую ситуацию можно объяснить отсутствием доверия со стороны российского общества к системе либеральных свобод, которая включает в себя ценность свободы слова. Выбранными лидерами же в данных вопросах становились такие ценности, как поддержание порядка в стране и борьба с ростом цен соответственно.

Степень восприятия обществом ценности патриотизма можно выявить благодаря ответам респондентов на вопрос, захотят ли они сражаться за свою страну. В данном случае 52,7% процента ответили утвердительно, 21,5% – отрицательно.

В результате ответов на вопрос о том, какие ценности наиболее восприняты обществом, через сравнение респондентами с собой предложенных описаний людей, можно составить следующую иерархию.

Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии (52,9% считают, что данное описание похоже на них; 14,4% не ассоциируют данное описание с собой).

Жить в безопасности очень важно для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность (52,7% считают, что данное описание похоже на них; 15,5% не ассоциируют данное описание с собой).

Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди не одобрили бы (49,4% считают, что данное описание похоже на них; 17,4% не ассоциируют данное описание с собой). Данный ценностный ориентир в большей мере воспринят среднесоветской генерацией (от 50 лет и далее) как следствие влияния ценностного наследия советского периода в истории России.

Для этого человека важно делать что-то хорошее для общества (43,9% считают, что данное описание похоже на них; 17,4% не ассоциируют данное описание с собой). Относительно восприятия большей части респондентов ценности помощи людям отметим, что это может сказываться влияние мирообщинной ценностной матрицы, характерной для исторического периода развития государства в XX в., которая предполагала наличие данной ценности.

Для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем (34,5% считают, что данное описание похоже на них; 23,4% не ассоциируют данное описание с собой).

Для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях (31,4% считают, что данное описание похоже на них; 24,1% не ассоциируют данное описание с собой).

Для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя (29,7% считают, что данное описание похоже на них; 27% не ассоциируют данное описание с собой). В данном случае заметно расхождение в мнениях респондентов по восприятию ценности гедонизма в различных возрастных поколениях – возрастная генерация от 18 до 29 лет более восприимчива к данной ценности (примерно на 15%), нежели остальные поколения.

Для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей (23,4% считают, что данное описание похоже на них; 29,2% не ассоциируют данное описание с собой).

Приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий (19,7% считают, что данное описание похоже на них; 31,8% не ассоциируют данное описание с собой). В данном случае ориентиры, связанные с риском, более ценятся возрастной генерацией от 18 до 29 лет.

Чтобы оценить, насколько воспринят обществом ценностный ориентир имущественного равенства, обратимся к результатам ответов респондентов на вопрос об одобрении деятельности по уменьшению или увеличению разницы доходов. 56,6% респондентов проголосовало за уменьшение разницы

доходов в обществе, и около 8,6% не принимают ценность имущественного равенства. Отметим, что около 50% поколения от 50 лет и далее, то есть люди, подпадающие в категории среднесоветского и позднесоветского периода, выступили за уменьшение разницы доходов с наиболее ярким акцентом (1 балл как максимум среди 10 баллов). При этом в данном контексте важно отметить, что, согласно данным ежегодника Левада-Центра «Общественное мнение-2015» [4], около 70% российского общества уже более 5 лет не верит в ориентир имущественного равенства: около 70% респондентов считает, что разрыв между богатыми и бедными в нашей стране увеличился.

С целью достижения наиболее полного представления о состоянии аксиологической системы современного российского общества важно сопоставить различные данные социологических исследований последних лет в этой области: сконструировать иерархию ценностей, используя имеющийся обработанный в рамках настоящего исследования материал, представленный проектом World Values Survey в не систематизированном для российского читателя виде, а также в этой связи рассмотреть данные социологических исследований, представленных Аналитическим Центром Юрия Левады и независимой социологической службой Фонда «Общественное мнение», Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Обобщая данные, полученные в ходе рассмотрения результатов исследований ценностных ориентаций российского населения проектом World Values Survey, возможно сконструировать иерархию ценностных предпочтений российского населения (см. Таблица 1(а)).

Таблица 1 (а)

Выявленная иерархия ценностных предпочтений российского населения, построенная с использованием данных 6-й волны по замеру ценностей проекта World Values Survey [19; 20]

Ценностные предпочтения	Количество респондентов, разделяющих ценности (в %)
Семья	97,5%
Трудолюбие	85,0%
Дружба	79,8%
Ответственность	77,3%
Свободное время	73,7%
Работа	72,4%
Терпимость и уважение к другим людям	63,6%
Ориентир имущественного равенства	56,6%
Традиции	52,9%
Патриотизм	52,7%
Безопасное окружение	52,7%

Окончание табл. 1 (а)

Ценностные предпочтения	Количество респондентов, разделяющих ценности (в %)
Бережливость	50,7%
Должное поведение	49,4%
Помощь людям	43,9%
Творческое начало	34,5%
Социальный успех	31,4%
Гедонизм	29,7%

В нижеследующей таблице представлены ценностные ориентиры, которые можно охарактеризовать как антиценности, вследствие того, что доля опрошенных людей, которые их признавали, меньше доли тех, которые не воспринимали данные ценностные ориентиры (см. Таблица 1(б)) (в верху иерархической пирамиды ценности, которые восприняты большим процентом респондентов).

Таблица 1 (б)

**Выявленная иерархия антиценностей российского населения,
построенная с использованием данных 6-й волны
по замеру ценностей проекта World Values Survey [19; 20]**

Ценностный ориентир	Уровень восприятия	
	Принимают	Не принимают
Религия	42,2%	52,4%
Независимость	37,2%	62,4%
Послушание	35,2%	64,1%
Самовыражение	31,6%	68,4%
Политика	27,3%	70,2%
Богатство	23,4%	29,2%
Бескорыстие и неэгоистичность	22,9%	76,6%
Риск	19,7%	31,8%
Воображение	16,5%	82,9%

Ссылаясь на ценностную иерархию, выстроенную по социологическим опросам Фонда «Общественное мнение» о ценностных ориентациях российского общества (см. Таблица 2) [18], а также на результаты опросов о наиболее важных целях в жизни россиян Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (см. Таблица 3) [2], можно наблюдать корреляцию ценностных ориентиров населения с предложенной ранее ценностной иерархией. В данном случае можно выделить следующие ценностные ориентации, наиболее важные для населения: ценность семьи, труда, безопасности и мира,

дружбы, морали и должного поведения, ответственности, свободного времени, работы, терпимости и уважения к другим людям, справедливости. Такие же ценности, как воображение, склонность к риску, бескорыстие, богатство, политическая активность, демократия, самовыражение, религия, имущественное равенство не принимаются большинством.

Следует отметить, что численное увеличение тех ценностных ориентиров, исторически обусловленных для того или иного государства, которые отрицаются в настоящее время народонаселением, позволяет судить о степени распространения в государстве инверсии традиционных ценностей и возникновении вследствие этого антиценностей, несущих в себе ложную информацию относительно направлений развития государства, что может привести к снижению жизненных потенциалов государства.

Таблица 2

**Ценностная иерархия, выстроенная по социологическим опросам
Фонда «Общественное мнение», о ценностных ориентациях
российского общества [18]**

Жизненные ценности	Количество респондентов, разделяющих ценности (в %)
Семья	65%
Безопасность	46%
Достаток	38%
Мир	34%
Справедливость	30%
Стабильность	27%
Закон	21%
Права человека	21%
Достоинство	21%
Совесть	20%
Труд	20%
Порядок	19%
Свобода	16%
Духовность	16%
Успех	15%
Защита	14%
Терпимость	10%
Патриотизм	7%
Собственность	7%
Держава	5%
Демократия	4%
Религия	4%
Твердость воли	3%
Сила	2%

Таблица 3

**Результаты опросов о наиболее важных целях в жизни россиян
Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [2]**

Жизненные цели	Количество респондентов, придерживающихся данной цели (в %)
Семья	94%
Мораль, должное поведение	90%
Друзья	89%
Работа	85%
Материальное благополучие	85%
Социальный успех	79%
Духовное совершенство	71%
Новизна в жизни	61%

Относительно странового сопоставления ценностных цепочек следует отметить, что при подсчете полученных данных пятой волны исследований ценностей проекта World Values Survey аксиологическая иерархия ни одной страны не совпала, что говорит о цивилизационной уникальности каждого государства. Отметим, что этот факт подтверждают результаты ответов респондентов на вопросы в опросе, инициированном Левада-Центром: в вопросе о том, по какому историческому пути должна идти Россия, превалирующее большинство опрошенных (56%) выбрали вариант ответа «идти по своему собственному, особому пути»; и на вопрос о том государством какого типа респонденты хотели бы видеть Россию в будущем, большинство ответило, что это должно быть «государство с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобное странам Запада, но со своим собственным укладом» [4].

Важно сделать вывод о том, что статистические данные, полученные в ходе проведения исследования, опровергают ставшие популярными идеи о возможности переложения западных ценностей и принципов управления на российскую платформу. Значительное различие российской и западной цивилизации (основной представитель Соединенные Штаты Америки) наблюдается в сильном диссонировании состава иерархии ценностных категорий. Отрицательным примером переложения ценностей из одной цивилизационно-уникальной матрицы в другую может служить описание Карлом Марксом деструктивных последствий разложения традиционной для Индии системы государственного управления вследствие внедрения в нее чужеродных принципов системы Британской империи [10].

Заметим, что результаты данных статистических замеров могут быть в достаточной степени важны при составлении официальных документов, связанных с разработкой дальнейшей стратегии развития России. Применение высшим управленческим звеном цивилизационно-ценностного комплек-

са для обоснования необходимости выполнения задач, стоящих перед государством, создает в обществе сильное мотивационное поле для их эффективной реализации. Следует отметить, что такой способ воздействия на население не является силовым, и по этой причине он наименее ресурсозатратный. В данном контексте необходимо добавить, что именно наличие в обществе «белого пакета ценностей», исторически обусловленного для той или иной страны, позволяет поддерживать жизнеспособность государства, сохранять государственную целостность, эффективно управлять страной на основании сохранения баланса интересов между обществом и государством, что способствует движению к дальнейшему прогрессу. По этой причине одной из задач государственного управления является деятельность по отслеживанию изменений ценностных ориентиров в обществе, сохранению основного комплекса традиционалистских ценностей страны, адаптация этих ценностей к новым условиям, их использование при конструировании стратегии, среднесрочных и долгосрочных целей развития России. Также необходима ликвидация процесса инвертирования основных ценностей российского государства, что первоочередно возможно в условиях транслирования уникального для страны «белого пакета ценностей» через официальные документы высшей государственной значимости.

© Рыдина А.С., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Пакет ценностей – исторически сложившийся комплекс ориентиров народонаселения какой-либо страны, задающий вектор позитивного государственного развития.
- (2) Белый пакет ценностей – уникальный, исторически сложившийся комплекс идеальных ориентиров народонаселения какой-либо страны, задающий вектор прогрессивного государственного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая Аксиология». Научная монография. М.: Научный эксперт, 2012.
- [2] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Что в жизни главное? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>.
- [3] Грамиш А. Избранные произведения: т. 3. М., 1980. Ст. 7.
- [4] Ежегодник общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2016 С. 46–47. URL: <http://www.levada.ru/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>.
- [5] Конституция Ирландии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=151>.
- [6] Конституция Королевства Нидерландов. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=143>.

- [7] Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/>.
- [8] Левада-Центр. Законы и порядок в государстве. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/22/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve>.
- [9] Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002.
- [10] Маркс К. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 9.
- [11] Основной закон для Федеративной республики Германии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>.
- [12] Сводный аналитический отчет Левада-центра «Демократия в России: установки населения» за 2015 год. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/11/demokratiya-v-rossii-ustanovki-naseleniya-2015>.
- [13] Словари. Яндекс. URL: <http://slovari.yandex.ru>. Загл. с экрана.
- [14] Сорокин П.А. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. № 12.
- [15] Союзная конституция Швейцарской конфедерации. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=135>.
- [16] Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
- [17] Утрачивание в обществе значимости социальных норм и ценностей. URL: http://mirslovari.com/content_soc/socialnaja-anomija-7971.html.
- [18] Фонд «Общественное мнение». Ценности. О самом важном в жизни россиян. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10994>.
- [19] WVS Wave 5 (2005–2009). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp>.
- [20] WVS Wave 6 (2010–2014). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.

REFERENCES

- [1] Bagdasarjan V.Je., Sulakshin S.S. Vysshie cennosti Rossijskogo gosudarstva. Serija «Politicheskaja Aksiologija». Nauchnaja monografija. M.: Nauchnyj jekspert, 2012.
- [2] Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija (VCIOM). Chto v zhizni glavnoe? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>.
- [3] Gramshi A. Izbrannye proizvedenija: t. 3. M., 1980. St. 7.
- [4] Ezhegodnik obshhestvennoe mnenie – 2015. M.: Levada-Centr, 2016. S. 46–47. URL: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf>.
- [5] Konstitucija Irlandii. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=151>.
- [6] Konstitucija Korolevstva Niderlandov. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=143>.
- [7] Konstitucija Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons>.
- [8] Levada-Centr. Zakony i porjadok v gosudarstve. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/22/zakony-i-poryadok-v-gosudarstve>.
- [9] Maks Veber. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma. M.: Ist-V'ju, 2002.
- [10] Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii. K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija. Izd. 2. T. 9.
- [11] Osnovnoj zakon dlja Federativnoj respubliki Germanii. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=155>.

- [12] Svodnyj analiticheskij otchet Levada-centra «Demokratija v Rossii: ustanovki naselenija» za 2015 god. URL: <http://www.levada.ru/2015/08/11/demokratiya-v-rossii-ustanovki-naseleniya-2015>.
- [13] Slovari. Jandeks. URL: <http://slovari.yandex.ru>. Zagl. s jekrana.
- [14] Sorokin P.A. Prichiny vojny i uslovija mira // SOCIS. 1993. № 12.
- [15] Sojuznaja konstitucija Shvejcarskoj konfederacii. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=135>.
- [16] Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii. M., 1991.
- [17] Utrachivanie v obshhestve znachimosti social'nyh norm i cennostej. URL: http://mirсловarei.com/content_soc/socialnaja-anomija-7971.html.
- [18] Fond «Obshhestvennoe mnenie». Cennosti. O samom vazhnom v zhizni rossijan. URL: <http://fom.ru/TSenosti/10994>.
- [19] WVS Wave 5 (2005–2009). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV5.jsp>.
- [20] WVS Wave 6 (2010–2014). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>.

RESEARCH OF THE COMPLEX OF BASIC VALUE ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIA

Anastasia S. Ryndina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russia

In this article, we have researched the general value orientation of modern Russia. On the basis of secondary data analysis of different sociological agencies proposed a hierarchy of value preferences of the Russian population. Identified processes of traditional values inversion of the Russian state, which is a hindrance to ensuring effective governance.

Key words: value, supreme state's values, values bundle, white values bundle, values management, antivalue, marginalization, hierarchy of values, civilization-value complex, development of the state, value system, sociological research

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-95-101

**МИНИСТР ХОЗЯЙСТВА,
НО НЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП****(отрывок из VI главы книги “Благосостояние для всех”)****Л. Эрхард¹**

Передо мной лежат газетные вырезки первых лет моей деятельности в качестве директора Управления по делам хозяйства во Франкфурте и федерального министра хозяйства в Бонне. В то время писали: «Министр хозяйства – враг потребителей»; «Эрхард – министр тяжелой промышленности»; «Защитник стяжателей и спекулянтов» – так или примерно так звучали тогда обвинения в мой адрес.

Конечно, в серьезных дискуссиях эти обвинения давно отпали и даже самые непримиримые мои противники отказались от подобных формулировок.

Они вынуждены признать полную несостоятельность подобных обвинений, принимая во внимание мои многолетние усилия воздействовать на представителей крупных отраслей немецкого хозяйства, а также борьбу с ними. Как странно звучат вышеприведенные обвинения именно в эти месяцы, когда подготавливается к изданию эта книга, а я как раз нахожусь в серьезнейшем конфликте с целым рядом отраслей хозяйства, именно из-за того, чтобы предотвратить повышение цен.

Но как бы то ни было, затронутая мною цитированием весьма недвусмысленных нападок тема взаимоотношения между министром хозяйства и гражданином, вопрос отношения государственного управления хозяйством к самому хозяйству и, прежде всего, вопрос организации хозяйства и его места среди прочих областей государственной жизни и общественного порядка, – все это вызывает к жизни настолько интересные и важные проблемы, что необходимо подвергнуть их внимательному рассмотрению. Это тем более необходимо, что основной замысел социального рыночного хозяйства исходит из тех же принципов, на которых должна покоиться современная социальная и свободная демократия.

Приступая к этому рассмотрению, я позволю себе привести постоянно повторяемое мною положение: критерием и судьей хорошего и плохого в хо-

¹ Людвиг Эрхард (1897–1977) – западногерманский экономист и государственный деятель. Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.

зяйственной политике являются не догматы и не групповые интересы, а исключительно человек, потребитель, народ. Одобрить ту или иную хозяйственную политику можно лишь в том случае, если она служит и пока она служит пользе и благу людей как таковых, человека как такового.

Доводя эту мысль до логического конца, приходишь к заключению, что хотя в любой экономике и существуют групповые интересы, не они должны определять линию экономической политики, и что столкновение частных интересов не ведет к плодотворному синтезу. Поэтому нельзя допустить разложение народного хозяйства на составные части – групповые интересы. Нельзя идти путем распада, отдаляться от того всеобъемлющего, подлинного порядка в хозяйственной жизни, который один лишь способен гарантировать гармонию в социальной жизни народа. Поэтому нашей наиважнейшей задачей должно быть предотвращение этой опасности.

Предприниматели должны обладать чувством ответственности

Касаясь этой моей основной установки, я никогда не оставлял места для двусмысленных толкований. Еще 29 августа 1948 г. я говорил на съезде ХДС¹ британской зоны в Реклингхаузене: «Я не ощущаю себя представителем интересов имущих слоев, тем более представителем интересов промышленных или коммерческих кругов. Подобное предположение было бы совершенно ложным. Быть ответственным за экономическую политику – значит нести ответственность перед всем народом. Я глубоко убежден, что мы сможем разрешить стоящие перед нами тяжелые задачи только в том случае, если нам удастся путем сохранения рыночного хозяйства поднять благосостояние не только отдельных слоев населения, а всего нашего народа, если нам удастся, путем крайнего напряжения усилий и постоянного повышения производительности, обеспечить народным массам достойный уровень жизни и неуклонно его повышать. Если пытаются изобразить дело так, будто я являюсь человеком, который стремится защищать лишь совершенно определенные интересы, то это клевета. Наоборот. Я требую самым решительным образом именно от ответственных крупнейших предпринимателей, в руках которых находятся орудия производства и аппарат распределения нашего народного хозяйства, наибольших жертв, наивысшего сознания ответственности».

Я привожу эти соображения, высказанные в начальной стадии развития рыночного хозяйства, чтобы еще раз подчеркнуть: те, кто в последующие годы пытались выдвинуть на первый план свои частные интересы и потер-

¹ Христианско-демократический союз Германии – политическая партия в Германии, основанная в 1945 г.

пели при этом крушение, не смеют ссылаться на мои моральные принципы. Я никогда не давал повода для сомнений в том, что частные интересы могут быть оправданы лишь тогда, когда они одновременно служат так же интересам общества.

Ни одна отрасль хозяйства не имеет права на привилегии. Разумеется, это утверждение не исключает факта, что с точки зрения отдельных лиц, хозяйство представляется как сумма частных интересов. Все дело в том, чтобы, регулируя эти интересы, направлять их в конечном итоге на путь общего блага.

В одном из моих более ранних выступлений я как-то раз указал на роль государства как высшего арбитра. Хочу воспользоваться здесь немного банальным примером футбольной игры. Я считаю, что так же, как судья на футбольном поле не имеет права участвовать в игре, так и государство не должно принимать в ней участие. Существенной предпосылкой правильной, хорошей игры является то, что игроки следуют определенным, заранее установленным правилам. То, к чему я стремлюсь, проводя политику рыночного хозяйства, – чтобы уж оставаться при нашем примере, – это выработать порядок и правила этой игры.

Свобода – как высшая цель

В футбольной команде, например, также не принято, чтобы все одиннадцать игроков становились в ворота. Если они попытаются это сделать, мы как зрители с полным правом могли бы их освистать, сочтя это неспортивным и противоречащим правилам игры. От нападающих мы требуем, чтобы они нападали. Если они думают, что их обязанностью является защищать ворота или даже стоять в воротах, то мы вправе считать это неоправданным и нарушающим игру, чего мы не потерпим. Очень сходны функции хозяйственного порядка. Я считаю, что именно такому образцу хозяйственного порядка, которому я следую во всех моих действиях, мы обязаны нашими успехами. Даже в том случае, если мы вынуждены будем по отдельным пунктам отклониться от этого образца, он сохранит свое значение.

Зрители футбольной игры несомненно будут в большой претензии к игрокам, если те перед игрой заключат соглашение, сколько голов разрешается забить той и другой команде, и, таким образом, проведут не ожидаемое нами честное соревнование, за которое мы заплатили, купив входной билет, а будут без борьбы выполнять заключенное соглашение. Поэтому я считаю, что основой всего рыночного хозяйства является и должна остаться свободная конкуренция. Это возможно только там, где не будет допущено никакое угнетение свободы, но где свобода основывается на моральном и правовом кодексе народа и является общеобязательным законом, больше того, наивысшей ценностью общества.

Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. И если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу.

Как в государственном, т.е. в общественно-политическом устройстве порядок устанавливается основными законами, конституцией, которая определяет формы человеческого общежития и регулирует взаимоотношения людей, – так и в хозяйстве существует подобный порядок. Здесь сферы ответственности ясно разграничены. Предприниматель несет ответственность за свое предприятие; тут он может с полным правом требовать, чтобы его действия были свободны от государственной указки и водительства, чтобы он пользовался полной предпринимательской свободой. Я первый, кто поддерживает это требование предпринимателей. Но ответственность за хозяйственную политику несет только государство. Нам известно, куда приводит смешение этих двух функций.

Эти короткие замечания показывают, как в моем представлении должны выглядеть основы рыночно-хозяйственной политики и где мне хотелось бы видеть границу между личностью и государством.

Следует объяснить, почему я придаю этим вопросам такое решающее значение, почему я вообще придаю хозяйству судьбоносное значение. При этом я ни в коем случае не желаю вызвать впечатление, будто я рассчитываю найти в плане самой экономики универсальное средство для борьбы со всеми нашими общественными и социальными бедствиями. Я далек от этого! Человеку необходимо его физическое существование, чтобы иметь возможность называться человеком, чтобы иметь возможность для всестороннего духовного и умственного развития. Так обстоит и с жизнью целого народа. Хозяйство является самой примитивной, но одновременно и самой необходимой основой, ибо только на базе здорового хозяйства общество имеет возможность достичь своих непосредственных и конечных целей.

Хозяйственная основа должна быть здоровой для того, чтобы она не стала исходным пунктом для извращений в народном организме и его разложения. Определение духовного, морального и материального облика хозяйства должно быть, в конечном счете, делом политики, заботой общества. Если эта моя точка зрения не дает основания заподозрить меня в преувеличении значения материальных ценностей, то с другой стороны я думаю, что, за исключением гениев, человек осознает значение своей личности и своего человеческого достоинства только тогда, когда его не гнетут материальные заботы, мелкая будничная нужда, т.е. когда материальные проблемы удовлетворены и поэтому перестают играть главную роль.

Распределение задач между государством и хозяйством

Итак, я повторяю, в задачу государства не входит непосредственное вмешательство в хозяйство, во всяком случае до тех пор, пока этого не потребует само хозяйство. Так же не уместается в рамки основанного на предпринимательской самостоятельности хозяйства деятельность самого государства в роли предпринимателя. Из этого положения, естественно, вытекают определенные последствия для хозяйства в том смысле, что оно не должно превращать государство в представителя своих интересов. Здесь необходимо придерживаться недвусмысленных принципов.

Нельзя, с одной стороны, требовать от государства, чтобы оно не занималось хозяйственной деятельностью, а с другой стороны, когда это становится необходимым, – обращаться к государству с просьбой о помощи. Существуют своего рода разделение труда, разграничение сфер деятельности между предпринимательским хозяйством с центром тяжести в области производства и хозяйственно-политической деятельностью, являющейся задачей правительства и, в частности, министра хозяйства. Иногда у меня создается впечатление, что в отношении этого разграничения функций создается путаница и неуверенность. Ответственным за экономическую политику – я это подчеркиваю – является исключительно государство, в рамках данных ему демократическо-парламентских компетенции и прав. Конечно, вполне законна заинтересованность предпринимателей в экономической политике, как законно их право высказывать свое мнение, но им самим, как и их представительным органам, нельзя вмешиваться в экономическую политику.

Если можно с уверенностью говорить о том, что в нашей Федеративной республике либеральное хозяйство принадлежит прошлому и что хозяйство, направляемое и регулируемое государством, может считаться ликвидированным, то это ставит нас перед необходимостью четко обрисовать новое в нашей экономической политике. Новое в ней – это то, что государство, и в частности министр хозяйства, в настоящее время не обращается больше к отдельным лицам, не приказывает отдельным предпринимателям, что оно освободило их от резолюций, разрешений, концессий и лицензий. Государство исходит при этом из принципа: предприниматель так же, как и рабочий, как любой другой гражданин в государстве, должен быть свободен в области своей личной деятельности.

Конечно, это вовсе не означает, что сняты все тормоза и открыта дорога анархии. Вместо непосредственного, даваемого государством приказа, или взамен отказа от всякого вмешательства – и эта вторая установка так же важна, как и первая – современная государственная политика по отношению к хозяйству основывается на стремлении такого использования инструментов хозяйственной политики, находящихся в руках государства, которое выво-

бождает новые силы, открывает новые возможности и закрывает бесплодные пути. Это означает – выбором и комбинацией средств направлять хозяйство вперед к новому прогрессу.

Объемистый список грехов

Конечно, нужно признаться, что для полного осуществления такого порядка, каким я его себе представляю, многого недостает. В связи с этим я как-то говорил о длинном списке грехов, в котором числятся неверные и необоснованные пожелания и требования немецкого хозяйства, а также и недостатки экономической политики в самом широком смысле. При этом я указывал на то, что мы должны прийти к прискорбному выводу, что у нас совсем нет достаточного основания гордиться достигнутыми с тех пор успехами рыночного хозяйства.

Существующие в немецкой промышленности стремления к объединению в картели я разбираю особо в другом месте этой книги. В связи с этим необходимо остановиться на различных предложениях в введении так называемой регламентации для отдельных профессий, что должно было бы вредно отразиться на осуществлении всей моей хозяйственной политики, затормозило бы конкуренцию и снизило бы производительность. К этим грехам относятся также требования о защите отдельных профессиональных наименований и обозначений при помощи специальных законов. Важное место в списке грехов занимает также требование о расширении обязательного коллективного страхования. В этот список входит также иллюзорное представление, будто хозяйственная судьба отдельных хозяйственных или профессиональных групп может быть «паритетно» обеспечена или лучше защищена: я имею в виду требования ввести подвижную шкалу для таможенных пошлин с целью исключить в собственной стране конкуренцию извне. К этому надо присоединить также требования соблюдать большую осторожность в деле либерализации нашей внешней торговли или, как принято говорить, – сохранять чувство ответственности (под этим подразумевается – действовать возможно медленнее и нерешительнее). Немецкой общественности известно сопротивление, оказанное стремлению к более решительному снижению пошлин, известны возражения моему стремлению окончательно установить свободный обмен валют. Все эти примеры показывают степень засоренности системы рыночного хозяйства различными пережитками.

Этих примеров во всяком случае достаточно, чтобы уяснить себе незначительность достигнутых нами до сих пор успехов в деле подчинения групповых интересов государственным. Во всяком случае на практике нам здесь еще не удалось найти окончательное решение, причем мы оставляем открытым вопрос, удастся ли вообще когда-либо достичь полного согласования интересов.

Не могут также остаться незамеченными различные попытки хозяйственных кругов оказывать влияние на решения парламента и правительства. Так дело обстоит не только в Германии, но и во всем мире. Пора признать, что это является подлинно болезненным явлением или по меньшей мере источником кризисов нашего времени.

Эта взаимная борьба, как правило, имеет место между группами, представляющими в конечном счете лишь «интересы», с одной стороны, и государственными органами, с другой стороны. Конечно, только за государственными органами остается право окончательного решения. Границы между двумя этими сферами пока еще не определились настолько окончательно, чтобы можно было говорить о наличии развитого, замкнутого в себе, общественно-политического или государственно-политического порядка.

Исходя из изложенной мной хозяйственно-политической перспективы, я считаю, что по меньшей мере в период восстановления мы должны отказаться от всего, что хотя бы в отдаленной мере могло бы выглядеть как защита или покровительство определенной группе. Мы обязаны ощущать себя как некое единство, и не допускать поэтому выдвижение частных интересов. Как раз в нашем недалеком прошлом заметно было губительное стремление мыслить прежде всего в групповых категориях и добиваться для них особых преимуществ. Это то зло, которое я хотел бы видеть сведенным до минимума.

DOI: 10.22363/2312-8313-2016-4-102

НАШИ АВТОРЫ

Алексеева Елена Сергеевна – филолог, специалист по документационному обеспечению управления, политолог; место работы – Аппарат Совета Федерации.

E-mail: milipuska@mail.ru

Быкова Галина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. *E-mail: bykova_gi@rudn.university*

Ефимова Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, руководитель сектора по связям с общественностью и СМИ отдела по связям с общественностью и интернет-коммуникациям Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: pr@unn.ru

Игнацкая Марина Анатольевна – доктор экономических наук, профессор. *E-mail:*

ignatskayam@yandex.ru

Коппель Евгения Эдуардовна – студентка магистратуры группы ГПМ-2 кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. *E-mail: koppel.evgenia@gmail.com*

Маковейчук Артем Васильевич, ведущий специалист отдела по связям с общественностью и интернет-коммуникациям Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: pr@unn.ru

Рыдина Анастасия Станиславовна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

E-mail: 1042140166@pfur.ru

Плещинский Александр Алексеевич – кандидат политических наук, проректор по идеологической и научно-инновационной работе Международного университета «МИТСО».

E-mail: a.plashchinsky@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
